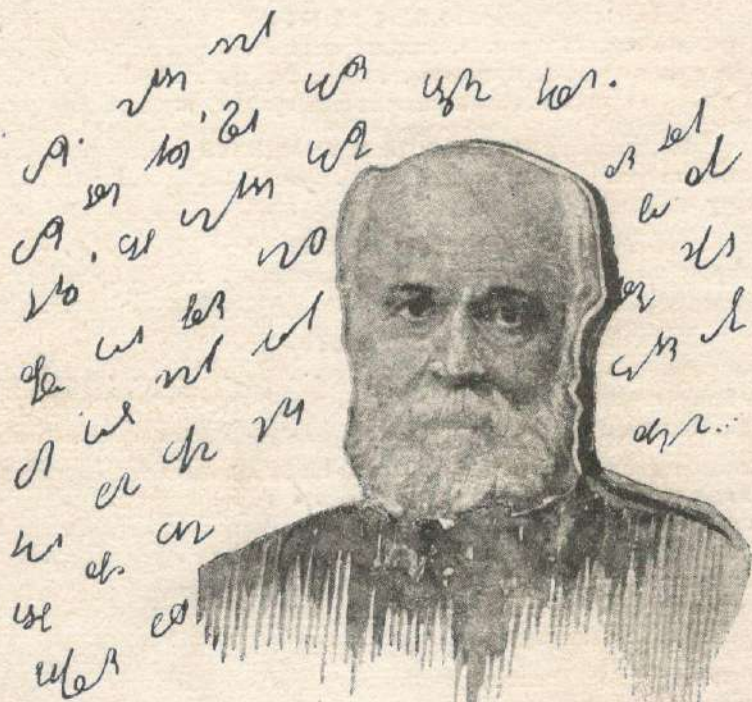

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Основоположник слуховой системы в России
М. А. Терне (1874 г.).

БІБЛІОТЕКА
ВІДДІЛ. 4, НУМЕР 30
Одеса, Островидова 32

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

№ 3 (27) МОСКВА 1927

Курсов контор. одесской

П. Ш. Стенографі
14. 11. 15/9
Одеса, Островидова 32

СОДЕРЖАНИЕ:

	<i>Стр.</i>
ОБЩИЙ ОТДЕЛ	
К обзору систем	1
Работа стенографов в дореволюционной Москве. С. Юдина	3
О работе стенографов в госуд. думе и государственном совете. С. Байер	6
НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ	
Конспект доклада о системе Терне. А. Гизльдебранд	10
Об упрощении стенографии. А. Будкевич	16
Вопросы по поводу издания всеобщей истории стенографии Джузеппе Алипранди	18
ДЛЯ УЧАЩИХ И УЧАЩИХСЯ	
Из педагогического опыта. А. Юрковский	19
Долой халтуру. И. Штерн	22
ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ	
Итоги по вопросу о стенографе-автомате. Б. Вишневецкий	24
О редактировании. Л. Бацевич	25
ПРОФРАБОТА	
Легче на повороте. Л. Гельфенбейн	27
Кто за нами? А. Агаронян	28
Кто прав? П. Кувыркин	32
О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ	
О приложении к нашему журналу. Кудрявый	33
О приближении журнала к учащимся. С. Файтельсон	33
Первые итоги подписной кампании	34
Как мы проводили подписку на В. С. Эйхенвальд	34
По курсам и кружкам — Москва, Киев, Самара	35
ЗА РУБЕЖОМ	
Еще один Международный Конгресс. Р. В.	37
Унитарная система в Венгрии. А. Ю.	38
Германия (по журналам). А. Ю.	38
БИБЛИОГРАФИЯ	
И. А. Ицксон «Курс стенографии по системе Габельсбергера» — Мосгаб	40
Отзыв о системе И. Дамс (Германия). А. Будкевич	40
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК	
О самоучителях Писаревского, Гольдина и других	обложка

**ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС
А. Б. БЕРМАН**

КУРС СТЕНОГРАФИИ

по системе Габельсбергера в таблицах

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

Словонаписание. Слоговое письмо. Стенографич. орфография. Словообразование.
О фразеграммах. Теория сокращений. Теория высших сокращений.

Цена 1 р. 75 к.

**ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: Московское Академическое Издательство
„МАКИЗ“.**

Москва „9“, Тверская, Брюсовский пер., д. 10. Тел. 4-82-49.

Ленинград, пр. Володарского, д. 58. Тел. 2-26-33.

ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ

ОРГАН ЦК ПРОТЕКЦИОННО-СОВЕТСКИХ СЛУЖАЩИХ

посвященный

проблемам

стенографии

Год изд. 5-й.

Март 1927 г.

№ 3/27

К отбору систем.

Постановление Коллегии Главпрофобра РСФСР от 24 ноября 1926 г. о том, чтобы «к началу следующего 1927—1928 учебного года поручить Отделу Рабочего Образования и низших профшкол, совместно с ЦК ССТС произвести отбор не более 3-х стенографических систем, которые должны быть рекомендованы для распространения впредь до выработки унитарной системы стенографии», — не является неожиданностью. Хотя на последних собраниях московских педагогов и подкомиссии по унитарной некоторые и пытаются представить дело так, что это постановление свалилось «как снег на голову», но если и мыслимо здесь подобное сравнение, то разве со снегом, которого долго ждали в холодную бесснежную зиму.

Тот, кто был на Конференции стенографов в 1925 году, помнит, как Конференция обрушилась на царивший в то время хаос стенографических систем и переработок, срывающий дело распространения и обучения стенографии. Все помнят, с каким энтузиазмом была принята резолюция по стенообразованию, гласившая в числе многих пунктов, следующее:

«Конференция считает, что, впредь до выработки единой системы, Центральная Комиссия должна выделить несколько систем, давших наилучшие практические результаты, которые можно было бы рекомендовать к преподаванию».

И если Центральная Комиссия по вопросам стенографии, избранная для проведения через аппарат ЦК ССТС постановления Конференции, с самого начала своей деятельности не приступила к этой работе по отбору систем, то не потому, что считала это постановление менее важным, или менее срочным, чем целый ряд других. Этому отбору должен был предшествовать тщательный и довольно длительный учет всего того, что делается на местах в области стенообразования, учет имеющихся систем, преподавателей, результатов преподавания по тем или иным системам и т. д., и т. п.

Учет этот чрезвычайно затянулся, вследствие плохого выполнения местами директив центра. Попутно с этим в 1926 году нам показалось, что мы вообще сможем избежать отбора систем, сразу подойдя к нашей основной цели — к разработке унитарной системы стенографии. Конечно, не было и нет сейчас никаких сомнений в том, что одна система лучше, чем две или три, что одна система даст возможность еще более углубленной работы над

ее усовершенствованием, над выпуском учебников, подготовкой преподавателей и т. д.

Но опыт годичной работы подкомиссии по унитарной показал, что есть целый ряд объективных и субъективных условий, не позволяющих нам рассчитывать на то, чтобы эта работа была закончена в ближайшее время. Этому мешает, во-первых, новизна и сложность задачи, во-вторых, — ограниченность материальных средств, которыми располагает подкомиссия, что не дает возможности ее членам всецело отдаться этой работе, и в третьих, — что, пожалуй, самое главное, — отсутствие искреннего желания у некоторых членов подкомиссии создать унитарную. Поэтому, не ослабляя ни на минуту работу по созданию унитарной и, напротив, усиливая авторитет п/комиссии передачей ее в настоящее время в ведение Наркомпроса, — мы все же должны вернуться безотлагательно к выполнению постановления Конференции об отборе систем.

Обилие систем мешает нам на каждом шагу, спутывая все наши карты. Мы говорим о необходимости широкого внедрения стенографии в соваппарат. Мы требуем чуть ли не немедленного обучения стенографии лиц канцелярского труда (машинисток, делопроизводителей, секретарей). Мы соответствующим образом агитируем Наркомпрос, НКРКИ, готовы ставить этот вопрос перед Совнаркомом. Но, когда мы подходим к вопросу: по каким системам обучать служащих, — мы становимся втупик.

Мы смело ставим вопрос о необходимости массового обучения стенографии в трудовых школах, для того, чтобы наши будущие работники канцелярского и умственного труда не были вынуждены дополнительно терять время и средства на обучение стенографии. Наркомпрос сочувственно относится к этой идее, но когда он предложит нам ее провести в жизнь, — нам придется, очевидно, подобно Подколесину из «Женитьбы» Гоголя, в решительный момент удирать через окно, ибо у нас нет не только подготовленных преподавателей для этой цели, но мы и не знаем, по каким системам нам этих преподавателей готовить.

Мы мечем гром и молнию по поводу макулатуры, выбрасываемой на книжный рынок под маркой стенографических книг, мы договариваемся с ГУС'ом и Главлито, ведающими этим делом и не имеющими специалистов по стенографии, о том, чтобы о всех выпускаемых учебниках давалось предварительное заключение стенокомиссии или МНСО. Мы пытаемся бороться с недобросовестной рекламой всяких Гольдиных, Писаревских и им подобных тем, что посылаем в газеты соответствующие послания уничтожающего характера, — но все это борьба с ветряными мельницами.

У нас нечего противопоставить этим книгам, на которые с такой жадностью набрасывается изголодавшаяся по стенографии провинция: старые издания более или менее солидных авторов разошлись, или изрядно устарели, для издания новых у наших теоретиков нет средств, а государственные издательства им не идут навстречу. Мы с громадными усилиями почти сколотили небольшой фонд из союзных и государственных средств для издания нескольких хороших учебников. Но какие же учебники издать? Ясно, что и здесь мы упираемся в необходимость отбора систем и затем уже выпуска учебников по этим системам.

А пока что мы как бы сами расчистили путь для необузданной вакханалии халтурных самоучителей, учебников, пособий и т. п. И так понятны те вопли отчаяния и почти ярости, с которыми обрушиваются на редакцию некоторые наши читатели (см. «Почтовый ящик») после прочтения опубликованного в прошлом номере журнала письма МНСО, предостерегающего от учебников Писаревского и Гольдина. Они не правы лишь в том, что считают журнал «козлом отпущения» за чужие грехи, но они глубоко правы, когда говорят всем нашим стенографическим организациям: мало предостеречь, нужно указать, а по какому же учебнику стоит учиться и есть ли такой учебник.

Имеем ли мы право оставлять страну еще на ряд лет (пока будет выработана унитарная) в том же состоянии стенографического хаоса и мракобесия? Имеем ли мы право сознательно суживать круг обучающихся стенографии в то время, как культурно-растущее население требует этого знания? Нет, и тысячу раз нет! У нас нет никаких оснований для этого. Если для нескольких, буквально, единиц теоретиков отбор систем страшен, так как их системы могут оказаться за бортом, если для нескольких десятков педагогов отбор временно неудобен, так как им придется переучиваться (зато сфера применения их труда значительно расширится после отбора, чего они не дооценивают), — то для тысяч обучающихся стенографии в СССР отбор безразличен, так как они все равно будут доведены до конца по тем системам, по которым они сейчас обучаются, а при поступлении на работу от них будет требоваться не система, а умение писать стенографически.

И напрасно стараются втянуть их в борьбу против ЦК ССТС и Наркомпроса те достопочтенные теоретики и педагоги, которые решительно встают сейчас против отбора (а в глубине души и против унитарной).

«Над нами не каплет» *) — вот лозунг этих лиц, ставших вдруг ревностными поборниками и защитниками унитарной и поэтому, якобы, вратями отбора. Над ними, прикрывшимися густым навесом шкурных интересов, действительно, не каплет, но нам пора от проливного дождя книг Писаревских, Гольдиных, проваливающихся и вновь воскресающих систем Репина и других, укрыться под надежной защитой отобранных систем.

*) Из стенограф. протокола п/комиссии по унитарной ст 24/II за № 22.

ОТ РЕДАКЦИИ: Не имея возможности выпустить журнал к 8-му марта, когда трудящиеся женщины Советского Союза делали смотр своим силам и достижениям, редакция считает нужным, хотя бы с некоторым запозданием, привести воспоминания двух старейших стенографисток, т.т. Юдиной и Вейер, об условиях работы царского времени. Это статьи, служа для нас в некотором роде историческими летописями, в то же время ярк подчеркивают те достижения в области охраны труда и общественной жизни женщины-стенографистки, которые у нас теперь имеются.

В последующих №№ журнала редакция намерена поместить исторические очерки о создании первых стенографических обществ в Москве и Ленинграде.

Работа стенографов в дореволюционной Москве *).

В Москве в 1900-х годах были открыты курсы стенографии Н. М. Крулева (существующие до сих пор) и курсы стенографистки В. Г. Нечаевой (ныне курсы А. К. Грессер — первой ученицы Нечаевой). Затем были еще небольшие курсы стенографии — Шенберг-Важеновой и др. На курсах готовились, главным образом, так называемые стенографы-корреспонденты, пишущие 50—60 слов в минуту. Эта категория стенографов имела наибольшее применение в таком торгово-промышленном центре, как Москва, где концентрировалась масса частных торговых фирм, комиссионных контор, правлений торгово-промышленных предприятий и т. д. Работа в этих учреждениях велась таким порядком: заведующий фирмой, конторой, председатель или секретарь правления с утра разбирал корреспонденцию и тут же диктовал стен-ке ответы на запросы и заказы. Затем стен-ка расшифровывала стенограмму на пишущей машинке и давала на подпись. Изредка стен-ка писала под диктовку отчеты, доклады. Рабочий день от 9 ч. утра до 6 ч. вечера. Никаких отпусков, протестов. Прочее — все от «доброй воли» хозяина.

Таких стенографов-корреспондентов выпускалось курсами Москвы несколько десятков в год и все они получали соответствующие места с оплатой 50—70 р. в месяц, так как спрос на так называемых «конторских» стенографов шел почти в уровень с предложением.

Парламентских стенографов, записывающих живую речь, курсы давали очень мало. Не только потому, что приблизительно из 100 обучающихся оканчивало 10, и из этих 10 выходил один парламентский, не только потому, что на курсах было невыгодно для такого малого количества

обучающихся держать квалифицированных преподавателей и диктовальщиков, но и потому, что спрос на таких работников в Москве был небольшой. На эту работу шли большей частью одиночки, самостоятельно добившиеся большой скорости, практикуясь дома, бесплатно на лекциях, заседаниях и т. д.

Поэтому таких съездовых стенографов в Москве было до открытия государственной думы буквально единицы: в московской городской думе с 900-х годов работала Душкина, в московском окружном суде Козлова, в телеграфном агентстве Р. Я. Турбинер. После открытия государственной думы редакции больших московских газет пригласили стенографов для приема по телефону распоряжений, правительственных сообщений, отчетов думских заседаний. С 1906 г. в «Русских Ведомостях» начала работать Н. А. Фогт, с 1909 г. — Е. М. Левитская, затем штат стенографов был расширен. В редакции «Русского Слова» первое время работали В. Я. Викдорчик, А. А. Цингер, затем штат тоже был расширен. В редакции «Утро России» — 4 стенографистки, в редакции «Голос Москвы» — 2 стенографистки; в общем не более 15—20 стенографисток во всех редакциях.

Тяжелая это была работа, хотя оплачивалась по тем временам довольно хорошо — 120—150 р. в месяц. Первые годы редакционной работы стенографы должны были работать 6 ночей в неделю с 10-ти часов вечера и до 4—5 часов утра. Первые газетные стенографистки работали первые годы без всякой смены. Затем были приглашены сменные стенографы на 4—5 ночей в неделю, чередуясь в приемке сообщений из Петербурга, которая происходила по нескольку раз в ночь и продолжалась от получаса до часа. Каждая стен-ка представляла 20—25 страниц расшифрованной стенограммы, тут же диктуя материал

*) «О работе стенографов в Советской России в первые годы революции» см. статью т. Юдиной в № 4 «В. С.» за 1923 г.

машинистке. Телефонная прямая линия была нарасхват, каждые три минуты телефонной передачи из Петрограда редакцией оплачивалось полтора рублями, а потому редакция экономила, требовала, чтобы корреспондент максимально использовывал время, передавая как можно больше материала. Для этого материал подготовлялся в письменном виде и диктовался корреспондентом очень быстро, а материал большей частью был ответственный (правительственные сообщения, распоряжения, думские или судебные отчеты), для стенографирования которого требовалась абсолютная точность.

Чтобы ярче представить, насколько тяжела была эта газетная работа стенографа, приведу клочок своих личных впечатлений от этой работы.

Получив приглашение стенографистки «Русских Ведомостей» — Фогт — заменять ее во время месячного отпуска, я 2 месяца для практики принимала параллельно с ней по контрольной трубке. К ответственной работе мне пришлось приступить раньше, чем я предполагала, в виду неожиданного отъезда Фогт в отпуск. Помню — ночь... темный кабинет, большой холодный клеенчатый диван, на котором полулежишь, ожидая кошмарного телефонного звонка. Телефон... Одеваешь наушники на обруче на голову, готовишь карандаши, а корреспондент уже понукает: «алло», «алло»... Начинается гонка, сыплются названия, цифры, цитаты, бесконечный отчет, а линия работает неисправно, слышен шум, хрип, перебои. Конец... Расшифровка... Мешают сосредоточиться: беспрестанно открывается дверь, высовывается голова выпускающего газету и задаются вопросы: «Сколько выйдет материала, какой, скоро ли будет готово?» Наконец, первая часть материала сдана. Я только вздумала подсчитать итог переданной мною сметы и — о ужас! — она не сходится на несколько десятков тысяч рублей. Вегу по редакции, чтобы сообщить об ошибке, задержать сдачу в печать. Это удастся. Жду второй передачи в 2 часа, чтобы спросить корреспондента, где ошибка, хотя будет задержка, недовольство. Мерзну на холодном диване и с тоской жду звонка. 2 часа ночи. 2½ часа. Сама вызываю Петербург. «Линия не работает. По дороге гроза». Остается итти объясняться с главным редактором. С трепетом вхожу в кабинет, сознаюсь в своей ошибке. «Печатать не надо, смета уже передана утром Петербургским Телеграфным Агентством».

Я еле дотянула месяц этой работы. Ночная напряженная работа так будоражила нервы, что, придя домой в 4—5 часов, я не могла уснуть, а утром начиналась кругом шумная, обычная жизнь и спать было трудно. Весь день чувствовала себя разбитой, а ночью снова в редакцию.

Такая ночная работа настолько вымывала силы, что редакционные стенографы редко брались днем за какую-либо другую стенографическую работу. Кроме того, ее было очень мало. К таким работам принадлежали: стенографирование земских губернских и уездных собраний (3—4 раза в год по 6—10 дней) с оплатой 40 руб. за заседание при условии подачи стенографического отчета на другой день. Здесь работали приблизительно 5—7 стенографов во главе с А. А. Цингер и Е. М. Геденовской. Затем стенографирование лекций в различных учебных заведениях. Так, стенографировались лекции в Коммерческом Институте и в Петровской Сельско-Хозяйственной Академии в течение 3—4 лет. Затем редкие съезды. О созыве съезда печаталось в газетах и стенографы по телефону или письменно предлагали свои услуги, но чаще всего съезды получались по знакомству.

Как проходила работа на съездах? Писали попарно. Съезд продолжался 3—4—8 дней. Стенографировалось все заседание сплошь 3—6—7 часов подряд. После окончания съезда пара считывала материал и каждый стенограф в отдельности переписывал свою часть большей частью от руки, так как пишущих машинок у всех стенографов не было. Оплата происходила или за заседание 25—40 руб., вне зависимости от продолжительности заседания, или почасно — 10 р. в час. Расшифровка какого-либо съезда продолжалась 1—2 месяца.

Царская Россия боялась «скопищ и сборищ». Боялась она и съездов, где мог раздаваться голос общественной критики. Поэтому с трудом министерство внутренних дел разрешало 5—6 съездов в год. Насколько малозаметны, малозначущи были разрешенные съезды, можно заключить из того, что из всех стенографированных мною съездов с 1909 г. (а я стенографировала большинство их), в памяти резко запечатлелись только два момента, но зато как характерны они для царской России!

Первый — процесс дантистов в Московском окружном суде, который мы стенографировали в конце 1912 г. Обвиняемых было несколько десятков человек. Перед нами проходили жуткие яркие картины

бесправия евреев в царской России. Для того, чтобы получить право жительства в Москве, они вынуждены были после долгих скитаний и укрывательства по чужим квартирам, даже по домам терпимости, покупать себе свидетельства на звание дантиста, которое давало им право здесь проживать. Этого добивались с различными целями: кто ехал учиться, кто торговать, а одна красивая молодая еврейка просто для того, чтобы посмотреть Москву, побывать в театрах, музеях и т. д. Процесс продолжался 2 месяца. Первый месяц взялась стенографировать стен-ка О. Парпутти. Она вела подробную протокольную запись с 11 ч. утра и до 7 час. веч., а вечерами и ночами расшифровывала. К концу месяца она переписала себе руку и предложила писать мне и еще одному стенографу. Прения сторон мы писали попарно, а ночами расшифровывали, диктуя в первый раз машинистке (до того года расшифровывали на машинке сами), в виду того, что речь прокурора была пужна зажитникам, а речи последних — для заключительного слова прокурора. Мы еще не применяли тогда немедленной расшифровки, да и вряд ли нашли бы столько пар стенографов.

Второй яркий момент — в 1910 г. Я и С. Волпянская стенографировали съезд представителей старообрядческих обществ — беспоповцев, при чем съезд происходил в молельне в Токмаковском пер. На нас надевали белые платочки, чтобы скрыть от глаз членов общин, что мы — стенографистки, не давали нам ни есть, ни пить из их посуды, чтобы после нас не «омиршиться». На съезде решались вопросы о том, как быть с сектантами, которые «брады бреют» и курят... Целыми днями с поднятыми перстами и горящими глазами «прели»

беспоповцы, подкрепляя все утверждения длинным выдержками из старопечатных дониконовских книг.

Каждый съезд обслуживался двумя-тремя парами стенографов и работы хватало на все наличие московских съездовых стенографов, а было их всего 6—7 человек, кроме редакционных, которые редко брались за эту работу.

Так было

Что же мы имеем в настоящем по сравнению с прошлым?

Мы имеем значительное число стенографов с сотнями учащихся, с трехгодичным курсом обучения, с большим штатом преподавателей и диктовщиков, подготовляющих, вместо одиночек, большое количество съездовых стенографов. Мы имеем большой кадр съездовых стенографов (150—200), работающих на съездах и в различных больших учреждениях и применяющих немедленную расшифровку вместо прежней кустарной расшифровки с залежами в 200—400 страниц. Мы — члены огромного производственного союза, через который мы вливаемся в могущественную армию профессионально-организованных трудящихся СССР в качестве пока что небольшого отряда стенографов. Вместе с этой армией нам гарантировано все, что охраняет наш труд и наше здоровье. Нам открыты пути для творческой работы в пределах наших специальных знаний для рационализации и, следовательно, экономизации человеческого труда.

Если широкое внедрение стенографии во все области, где нужно что-либо написать или записать, будет осуществлено, то в актив баланса великой исторической эпохи строительства социализма будет внесено еще одно крупное достижение.

С. Юдина.

О работе стенографов в госуд. думе и госуд. совете.

В начале марта 1906 г. в столичных и провинциальных газетах появилось объявление о предстоящем в Ленинграде Всероссийском конкурсе стенографов для приема в Гос. Думу и Гос. Совет.

Съехавшиеся в Ленинград со всех концов России стенографы подверглись конкурному испытанию в Технологическом Институте В. И. Кривошем, автором стенографической системы. Было продиктовано

3 отрывка, из которых необходимо было расшифровать 2. Правил для проведения стенографических конкурсов в то время не было. На какую скорость был произведен диктант, какое количество ошибок было в работах — покрыто мраком неизвестности. Через несколько дней после конкурса в помещении Гос. Совета был вывешен список стенографов, принятых в Гос. Думу и Гос. Совет. Так как опытных стенографов

в то время в России было незначительное количество, то наряду с высококвалифицированными были приняты и совершенно неопытные стенографы.

Ввиду того, что по Положению о Гос. Думе и Гос. Совете стенографировать на заседаниях Гос. Думы и Гос. Совета имели право только присяжные стенографы, а женщины в то время присяжными быть не могли, то всех мужчин (12 чел.) назначили присяжными стенографами, а женщин — помощницами (12 ч.). Мужчины получали 100 р., женщины — 75 р.

С первых же дней работы в Гос. Думе выяснилось, что такое распределение нецелесообразно и несостоятельно. Если в России в то время было мало хороших опытных стенографов-женщин, то стенографов-мужчин почти совсем не было (в Ленинграде тогда работало 2 опытных стенографов-мужчин: т. Тулинов и т. Федотов; ни тот, ни другой на службу в Г. Думу поступить не захотели). Что касается стенографов, принятых по конкурсу, то только 4 мужчин можно было считать стенографами — т. Снисаренко, т. Козак, т. Лемберг и т. Серебрякова. Вся тяжесть работы, вся ответственность ложилась почти исключительно на стенографов-женщин, между тем, права их в Гос.

Думе были урезаны. Благодаря энергии стенографисток: Цингер, Кардо-Сысоевой, Сапонько-Шавиной и меня, а также стенографов-мужчин: Лемберга, Снисаренко и Козака, нам удалось добиться уравнивания в правах женщин-стенографисток, после чего все стенографы были разделены на старших и младших в зависимости от качества работы, которое выявилось в ближайшие же дни. Редактор Отдела Н. И. Астров разделял в то время стенографов, работ. по сист. Терне-Паткановой, Животовского, Сапонько, Габельсбергера и Штольце, на группы: отличных: Бейер, Лемберг; хороших: Кардо-Сысоева, Цингер, Глазер, Козак, Серебряков, Сапонько-Шавина, и удовлетворительных. Во 2 и 3 Гос. Думе стенограф. бюро пополнилось след. высококвалифицированными стенографами: Розанова, Фохт, Наумова, Рагоза,

Тимофеева, Казарова, Масленникова, Симанкова-Щепелева, Зигфрид, Сергиевская, Васильева, Вольберг, Никифоровская, Н. Фоккова и др. В это же время и в Гос. Совете образовалось ядро высококвалифицированных стенографов: Вацевич, (урожд. Даниэль-Бек); Скородумова, Кочевницкая, Писарева, Щепелева и др.

В это время, благодаря большому спросу на стеногр. работу, стенографические курсы усилили свою деятельность: развернулись курсы Паткановой, вновь открылись курсы Сапонько и др. Часть стенографов, главным образом мужчин, выявившая полную несостоятельность на ответственной практической работе, была уволена. Вакантные места стали замещаться в 1 Гос. Думе таким путем: стенограф, желавший поступить на службу в Гос. Думу, должен был писать параллельно с 2 лучшими стенографами Гос. Думы, после чего работы сверялись; диктант не производился.

Стенографы работали в Гос. Думе и Гос. Совете вдвоем («парой»).

Заведывающим стеногр. бюро Гос. Думы и Гос. Совета был В. И. Кривош, его помощником — А. И. Сапонько, а со 2 Думы завед. стеногр. бюро Гос. Думы был назначен Сапонько, а завед. Гос. Совета остался В. И. Кривош.

Заведывающий стеногр. бюро должен был присутствовать на всех заседаниях; он должен был следить за тем, чтобы во-время сменялись «пары» и записывать фамилии, цитаты, цифры, с которыми, как большинству из нас известно, не всегда в согласии живут не только стенографы, но очень часто и сами ораторы. Сначала стенографы писали 5 мин., затем 2 мин., так как 1 экземпляр расшифрованной речи должен был представляться в Президиум в кратчайший срок после произнесения речи. Стенографическая запись должна была быть фотографией речи, без «ретуши», даже в тех случаях, если оратор говорил более, чем нескладно, а в то время такие случаи были нередки, так как ораторское искусство было мало развито. Редактировал речи штат специальных редакторов. На почве подачи стенограммы в «сыром» виде происходили

С. Бейер работающая на съездах с 1900 г. и по с.г.

иногда недоразумения — очень плохо владевший словом оратор нередко накидывался на «стрелочника-стенографа» с упреками, что речь его вышла не такой красивой, как речь, напр., известного в то время юриста Маклакова, депутата Гос. Думы Гегечкори и др. Некоторые депутаты, незнакомые со стенографической работой, просили, чтобы им сейчас же по произнесении речи разрешили «расставить знаки препинания» в речи и т. д. Несмотря на то, что стенографы писали только по 2 минуты, работа была напряженной «заседания были очень продолжительны, иногда до утра»; затем стенографы должны были улавливать и помещать в стенограмму все возгласы (иногда одновременно с разных концов зала), пометить — откуда возгласы: слева, справа, из центра, а возгласов бывало масса; особенно «выразительны и красочны» были возгласы Пуришкевича, Маркова 1 и др.

Отношение администрации к стенографам было не плохое; нужно только отметить черезчур большое «опекание» стенографов-женщин со стороны администрации: им не разрешалось во время перерывов беседовать в Екатерининском зале с депутатами; вменялось в обязанность носить скромные черные платья, скромные прически, не носить платьев с прозрачными рукавами, не носить цветных лент, показывающих принадлежность или симпатию к той или иной партии. Большинство стенографов были беспартийные.

В 1907 г. при участии зав. стеногр. бюро Гос. Думы, А. А. Сапонько, завед. стеногр. бюро Гос. Совета и стенографов Гос. Думы, Гос. Совета и Городской Думы было организовано 1-е Русское Стенографическое Общество, первым председателем которого был академик Виллье — стенограф-теоретик, обладавший большой стенограф. библиотекой, которая после его смерти была, согласно его завещания, передана в б. Музей воен. заведений (Соляной Городок), ныне Институт Научной Педагогике. Обществом были выработаны правила испытаний, которые являются прототипом ныне действующих в Ленинграде и Москве правил стенографических испытаний. При 1-м Русском Стенограф. Обществе была образована испытательная комиссия, в которую входили также и стенографы Гос. Думы и Гос. Совета. Испытание производилось на 100—110 слов; стенографы, желавшие держать конкурс в Думу, должны были сперва

пройти испытание в Русском Стен. Обществе или же иметь стаж.

Стенографы Гос. Думы подвергались проверочному испытанию перед началом занятий Гос. Думы 2-го и 3-го созыва. Проверочное испытание, которое имело место перед началом занятий Гос. Думы 2 созыва, было далеко не беспристрастно — отчасти оно было направлено к тому, чтобы удалить из состава стеногр. бюро Гос. Думы нежелательных для Правительства лиц (здесь играла роль и принадлежность стенографа к той или иной национальности). Работы проверялись негласно, никому не показывались; в результате оказались исключенными 3 стенографа высокой квалификации, якобы, за подачу плохих работ, чего, конечно, в действительности не было. После этого было принято несколько «с позволения сказать» стенографов без конкурса (в том числе 2 стенографистки — члены Союза Русского Народа), которые явились бременем для остальной части бюро, так как была попытка заставить опытных стенографов писать с этими «стенографами», дабы покрыть их полную несостоятельность, что, конечно, встретило отпор с нашей стороны.

Все это, вместе взятое, заставило стенографов требовать производства беспристрастных конкурсов; гласной проверки работ согласно выработанным правилам испытания и с включением в испыт. комиссию стенографов Гос. Думы, чего нам и удалось добиться. Испыт. комиссия состояла: из секретаря Гос. Думы, секретаря канцелярии Гос. Думы, завед. стеногр. бюро и 2 стенографов Гос. Думы. С этого времени возможность протекционизма, нарушение правил испытания, была исключена.

Во время существования Государственной Думы 3-го созыва стали проводиться штаты служащих. Штат стенографов был определен в 24 человека. Между тем, количество стенографов, работавших в Думе, дошло, благодаря принятым не по конкурсу, а по протекции, до 36 чел. Возник вопрос о сокращении. Вопрос стоял очень остро — если неприятно было не выдержать конкурса для приема в Гос. Думу, то еще более тяжело было потерять службу в Гос. Думе. Необходимо было придумать способ, который ограждал бы от всяких случайностей. По настоянию стенографов было организовано 7-дневное испытание, так как опыт показал, что проведение стеногр. испытания в течение нескольких минут

не дает ясной картины ценности того или другого стенографа. Хотя наш 7-дневный конкурс и потрепал стенографам нервы, но он выявил действительное качество работы каждого стенографа. Ежедневно в течение 7 дней производился диктант 3 отрывков на 100—110 слов, из которых расшифровывали 2. Работы проверялись сейчас же после испытания испытательной комиссией в присутствии всех испытуемых, так что никаких нареканий не было. По истечении 7 дней была сделана сводка — выведено среднее количество ошибок за 7 дней. Стенографы были разделены на старших и младших, но через некоторое время по соглашению между нами деление на группы было упразднено, так как это приводило к нежелательным трениям. Оклад был установлен для всех 150 р. Затем оклад был увеличен до 165 р.

После революции стенографы Гос. Думы и Гос. Совета работали в Предпарламенте,

в Комиссии по подготовке Учр. Собрания, в Учр. Собрании. Затем большинство работало на Всерос. Советании Демократических органов, на Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьской революции штат стенографов Гос. Думы и Гос. Совета был распущен.

В настоящее время из бывших стенографов Гос. Думы и Гос. Совета на конференциях, съездах и т. д. работают следующие стенографы: Вацевич, Л. А., Бейер, С. Я., Розанова Н. А., Скородумова А. Н., Фохт, Н. А., Никифоровская, Н. А., Кочевницкая, О. Я., Наумова, Э. А., Тимофеева, Е. М., Полилова, К. В., и др. В Тамбове работает Кардо-Сысоева, Е. Н., в Харькове — Масленникова М. В. В Москве — Каминская, С. Л., и Сапонько-Шавина А. Ф. В качестве педагога работает в Ленинграде Снисаренко, И. И.

С. Бейер.

Ленинград.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Идя навстречу читателям, Редакция журнала совместно с Правлением Московского Об'единения Габельсбергерианцев начинает выпускать с апрельского № „В. С.“ платное ежемесячное приложение к журналу — „Бюллетень Мосгаб“, освещающий как работу данного системного об'единения, так и дающий стенограммы по преподаваемым в Москве переработкам Габельсбергера.

Условия подписки: приложение будет посылаться только подписчикам журнала, внесшим дополнительную плату в 30 коп. за 3 приложения (по 10 коп. приложение) по адресу: Москва, ул. Герцена, 12, контора „Нашей Газеты“ для „В. С.“ Просим поторопиться с подпиской, так как апрельский № выходит через 2 недели, немедленная подписка даст возможность редакции выявить необходимый тираж приложения. }

Редакция.

Конспект доклада о системе М. А. Терне.

(Заслушан в подкомиссии по унитарной системе 1-го и 8-го февраля 1927 г.).

А.

Основная система М. А. Терне.

В 70-х годах М. А. Терне начал работу по созданию своей системы стенографии. В 1874 году им был издан учебник «Слуховой Краткописи или Стенографии (без значков)». В 1875 году было разрешено Министерством Народного Просвещения преподавание по системе Терне.

Общие принципы, на которых построена система:

1. В основу системы Терне и позднейших ее переработок положен слуховой принцип сокращения. Слова изображаются стенографическими знаками не так, как они грамматически пишутся, а как произносятся и воспринимаются нашим слухом, при чем выписываются лишь звуки наиболее характерные для данного слова, ясно слышимые при беглом его произнесении; среди этих звуков особенно выделяется ударный слог, т.-е. часть слова наиболее ясно, резко, протяжно произносимая и представляющая собою основу при стенографическом построении слов.

2. Стенографические буквы получают кратчайшие начертания и представляют собою элементы букв обыкновенного письма графический способ построения стенознаков).

3. В стенописме слова выписываются не отдельными буквами, а их сочетаниями, почему наиболее часто встречающимся группировкам букв также придают краткое и графичное начертание.

4. Символическое выражение ударных и промежуточных гласных при буквальном выписывании гласных начальных и конечных. И, наконец, увеличение скорости письма в слуховой стенографии достигается тем, что

5. несколько слов выписываются одним стенографическим знаком, в особенности слова, постоянно встречающиеся в определенной группировке.

Алфавит:

По своему начертанию знаки стеноалфавита представляют элементы букв нашего обыкновенного письма: прямую, овал, части овала и их сочетания (1), благодаря чему получается полная возможность привести самое точное описание начертания букв. Согласные, сходные по произношению, изображаются одним и тем же знаком и отличаются лишь величиной:

Б, П, В, Ф, Г, К, Х, Д, Т, Ж, Ш, З, С, Л, Р, Ц, Ч, Щ, М, Н, (2) (легкое запоминание алфавита, вследствие малого количества знаков).

Размер букв: одномерный, двумерный и полумерный.

Символизация гласных:

Оратор не произносит всех звуков (букв), из которых состоит слова, и наше ухо улавливает лишь наиболее характерные звуки, ясно слышимые при беглом произнесении слов, которые и записываются стенознаками. Среди этих звуков, в словах каждого языка, особенно ясно выделяется ударный слог, как общее правило, состоящий из согласной и гласной. Эта гласная называется «ударной гласной слова», прочие гласные и часть согласных слышатся неясно, как бы проглатываются и без ущерба для ясности могут быть свободно опущены. Так, например, при быстром произнесении слов: «производство, совершенно, мчатся» — наше ухо улавливает лишь следующие характерные для них звуки: «прзвсов, сршен, мчац», при чем недостающие звуки дополняются в нашем сознании в силу привычной слуховой ассоциации. Итак, наиболее характерной и основной частью слова является его ударный слог, который мы и воспроизводим полностью, при чем ударная гласная не выписывается, а изображается символически — соответствующим расположением согласной ударного слога относительно строки.

Ударные гласные «И, Ы» символизируются написанием согласной, составляющей с ними ударный слог на д строкой «Е, А» на строке «О, У» под строкой, при чем при

ударных гласных «Ы, А, У» согласные ударного слога выписываются с нажимом. На д строкой и под строку буквы поднимаются и опускаются на 1/2 меры (3). К буквальному написанию гласных при-

Система М. А. Терне и ее переработки. Тб. 1.

А. Основная система М. А. Терне 0001, 0111, 0110, 0111 (1.)

бн бфр. гкх дт. жш. зс. лр. ч. ш. и н.

бс 111 11 11 11 00 (11 11) (2.)

би, ми. бы, ми. бе, ме. ба, ма. бо, мо. бу, му.

б2 б2 б2 б2 б2 б2 (3.)

и. еа оу э. е. ю. е. э. ю. и.

1. 11 11 11 11 11 (4.) - 111 (5.)

1. 1 2 3 4 5 6 7 8 (6.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

7 8 (7.) 1 2 3 4 (8.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 (9.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 (10.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 (11.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 (12.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 (13.)

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 (14.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 (15.)

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 (16.)

В. Изменения внесенные Сапожко 1 3 = 7 2 4 = 2 (17.)

1 3 4 = 7 2 4 1 = 2 (18.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 (19.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 (20.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 (21.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 (22.) 1 2 3 4 5 6 7 8 9

бегают в начале, в конце слов и для изображения ударной гласной, когда удар в слове падает на нее самостоятельно (без согласной). В последнем случае ударная гласная всегда пишется на строке.

Изображение гласных:
И, Е, А, О, У, Я, Ё, Ю, (4). Конечные гласные: Е, Я, Ю, Ы, (5).

Сочетания согласных:

Помимо слуховых сокращений, придания буквам кратчайших начертаний и символизации ударной гласной, для увеличения скорости прибегают еще к одному способу сокращения стенисьма, а именно — дают краткие графические начертания, наиболее часто встречающимся группировкам букв:

Сочетание согласных с «Н» выражается выписыванием их с левым наклоном:

1. дн. 2. тн. 3. жн. 4. шн. 5. зн. 6. сн.
7. мн. (6)

Сочетания согласных, образованные при помощи их слиянии:

1. гв. 2. хв. 3. чв. 4. цв. 5. чг. 6. цг.
7. хч. (7)

Сочетания «Ч и Ц» с «К» образуются переломом этих согласных.

1. чк. 2. цк. (8)

При сочетаниях согласных, оканчивающихся прямой ДГЧ... или закруглением влево (Ж, Ш.) с «Л» или «Р», последние выписываются влево от этих согласных:

1. зл. 2. зр. 3. сл. 4. ср. 5. дл. 6. др.
7. гл. 8. гр. 9. чл. 10. пр. 11. жл.
12. жр. (9)

Сочетания «С и З» с согласными или их сочетаниями образуются путем присоединения к последним малой петли или дуги:

1. сб. 2. сп. 3. св. 4. зв. 5. сд. 6. ст.
7. сж. 8. сш. 9. сч. = щ. 10. сц.
11. сжн. 12. сшн. 13. счн. = щн. 14. сцн.
15. сг. 16. ск. 17. сх. (10)

Присоединением же узкой петли к основанию согласных «Н, Ш, Ж, Х и Г» дает их сочетание с «Д» и «Т» (сочетания с «Д» — двумерной величины и с «Т» — одномерной):

1. нд. 2. нт. 3. гд. 4. хт. 5. жд. 6. шт.
7. згд. 8. сгд. 9. жгд. 10. спт. . . . (11)

Двойные согласные «Л, М, Ы» изображаются увеличением знаков их начертания до двумерного размера.

1. лл. 2. мм. 3. ыы. (12)

Построение слов:

При стенографическом написании слов:

1. Согласная ударного слога и конечная согласная всегда располагаются на одной высоте.

2. До и после ударные согласные выписываются одна за другой, спускаясь лестницами к ударной конечной согласным.

3. Приведенными начертаниями для сочетаний пользуются при выписывании слитных согласных (т.е. согласных не разделенных в слове гласными).

1. Мыс. 2. Сон. 3. Комод. 4. Купец.
5. В этом. 6. Увидев. 7. Носитель.
8. Наметил. 9. Автор. 10. Поэт. . . (13)

В.

Изменения, внесенные в систему Е. Н. Патановой.

1. а) Символически выражается только ударная гласная. б) Согласные выписываются слитно (сочетаниями) независимо от того, разделяются ли они гласными или нет.

2. а) Введены начертания для конечных согласных и окончаний, выписывающихся непосредственно за согласной ударного слога без соединительных линий:

1. т. 2. ть. 3. с. 4. сь. 5. н. 6. нь, ние.
7. ц, ца, тся, тья. (14)

(«Н» конечное пишется также в начале и в середине слов).

б) Вводятся сочетания конечных согласных: выписываются согласные, следующие за конечным «Т»:

1. тл. 2. тр. 3. тм. 4. тв. (15)

При применении конечных согласных и их сочетаний уничтожается вторая лестница:

1. Мыс. 2. Сон. 3. Купец. 4. Комод.
5. В этом. 6. Увидев. 7. Носитель.
8. Наметил. 9. Рот. 10 мост. 11. Лось.
12. Дань. 13. Метр. (16)

В.

Изменения внесенные в систему Сапунко.

1. Введены новые сочетания согласных: а) Сочетания «С» с «Х и М» получаются присоединением к ним дуги (начертание конечного «С»)

1. сх. 2. см. (17)
1. Сход. 2. Смыт. (18)

б) Обобщены по начертанию сочетания:

1. гд, кд, хд. 2. гт, кт, хт. 3. гв, кв, хв. (19)

1. Ходить. 2. Готовить. 3. Кататься.
4. Ковать. (20)

в) Уширение петли у сочетаний НД, НТ, ЖД и т. д. означает их слияние с «Л или Р»:

1. Интерес. 2. Не тронь. 3. Не удалось. 4. Заждалсь. 5. Штрих.
6. Котлы. (21)

2. а) Даны начертания конечным согласным на 1/2 меры ниже согласной ударного слога.

- 1. Г, К, Х, (Б, П), 2. В, 3. Щ, 4. Л.
- 5. Р, 6. М. (22)

- 1. Луг, 2. Рак, 3. Готов, 4. Вал.
- 5. Мир, 6. Лом. (23)

последние три согласные опускаются

б) Обозначение «Д и Т» узкой петлей

Таб. II.

1. CO-65 20-20 3. 02-02 (23.) 1) 27 (24.) 1. (24-6)

2. 24-0 2. 24-0 3. 24-0 4. 24-0 (25.) 1. 24-0

3. 27 (26.) 1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3

4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 (27.)

Т. Изменения внесенные последней переработкой.

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 (28.)

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3

7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 (29.)

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3

8. 27-3 (30.) 1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3

10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 13. 27-3 14. 27-3 15. 27-3 16. 27-3 (31.)

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3

9. 27-3 10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 13. 27-3 14. 27-3 15. 27-3 (32.)

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 (33.) 1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3

5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 (34.) 1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3

4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 (35.)

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 13. 27-3 14. 27-3 15. 27-3 (36.)

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 13. 27-3 14. 27-3 15. 27-3 16. 27-3

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 13. 27-3 14. 27-3 15. 27-3 16. 27-3 17. 27-3 18. 27-3 19. 27-3 20. 27-3

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 13. 27-3 14. 27-3 15. 27-3 16. 27-3 17. 27-3 18. 27-3 19. 27-3 20. 27-3

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 13. 27-3 14. 27-3 15. 27-3 16. 27-3 17. 27-3 18. 27-3 19. 27-3 20. 27-3

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 13. 27-3 14. 27-3 15. 27-3 16. 27-3 17. 27-3 18. 27-3 19. 27-3 20. 27-3

1. 27-3 2. 27-3 3. 27-3 4. 27-3 5. 27-3 6. 27-3 7. 27-3 8. 27-3 9. 27-3 10. 27-3 11. 27-3 12. 27-3 13. 27-3 14. 27-3 15. 27-3 16. 27-3 17. 27-3 18. 27-3 19. 27-3 20. 27-3

(сочетания НТ, ЖД...) применяется и в сочетаниях конечных:

1. гд, кд, хд, гт, кт, хт. 2. вд, и вт. (24)
1. Факт. 2. Могут. 3. Выход. 4. Довод. 5. Вывод. (25)

в) Введены окончания:

1. сть, зость. 2. цкий, ческий, тельский
3. -ство, -ствие, -тельство. (26)
1. Кисть. 2. Счастье. 3. Низость.
4. Немецкий. 5. Советский. 6. Изда-
тельство. 7. Царство. 8. Напутствие. (27)

Здесь не приводим целый ряд окончаний и приставок, изменивших свое начертание в позднейших переработках. Благодаря введению Сапонько приставок и окончания, упростились начертание слов и совершенно исчезла 2-ая послеударная лестница.

Г.

Последние изменения, внесенные в систему и принятые П/О. Терне при МНСО.

Изменение начертаний сочетаний согласных:

В сочетаниях «ГЛ, ДР, ТЛ... Г, Д, Т...» закругляются у оснований и «Л или Р» выписываются по обе стороны этих согласных.

1. гл, гр. 2. кл, кр. 3. дл, др.
4. тл, тр. 5. цл, пр. 6. чл, чр. 7. шл,
щр. (28)

Дано новое начертание сочетаниям:

1. зг, сг. 2. зк, ск. 3. бр, пр. 4. бл, пл.
5. зл, сл. 6. зр, ср. 7. сгд, зкд... (29)
8. сгг, зхт... (29)

*) Сочетания «Г, К, Х» с «Б или П» изображаются знаком двумерного «М».

1. Загон. 2. Скотина. 3. Например.
4. Облигация. 5. Прослыть. 6. Превре-
щение. 7. Навсегда. 8. Захотеть (30)

Сочетания согласных с «Н» выражаются уменьшением их до полумерного размера или же отнесением от предыдущей согласной на полумерное расстояние.

1. бн, пн. 2. ви, фи. 3. гн, кн, хн.
4. дн, тн. 5. жн, шн. 6. зн, сн.
7. мн. 8. ин. 9. цн, чн. 10. шн.
11. вли. 12. ври. 13. шри. 14. плн.
15. дли. 16. три. и т. д. (31)

1. Знание. 2. Книга. 3. Гнуть.
4. Шнур. 5. Много. 6. Мнение.
7. Гонение. 8. Чинить. 9. Вино.
10. Волнение. 11. Длина. 12. Челнок.
13. Терне. 14. Граница. (32)

*) В результате работ московского объединения слуховых стенографов за последние три года, удалось унифицировать имевшиеся московские переработки системы Терне. Остались пока несогласованными незначительные детали (начерт. сочет «СЛ, СР», конечн. «Щ»).

Даны начертания конечным:

1. Б, П. 2. Ф = В. 3. Ж, Ш. 4. Щ.
5. Ч. (33)
1. Лоб. 2. Миф. 3. Реже. 4. Каша.
5. Лец. 6. Речь. (34)

Если за согласной ударного слога следует не одна, а несколько конечных согласных, то они выписываются непосредственно друг за другом в направлении движения руки, изображаясь знаками конечных или знаками согласных основного алфавита полумерными по величине.

1. Палец. 2. Март. 3. Рынок. 4. Ду-
мать. 5. Лампа. 6. Паладив. (35)

Окончания, в состав которых входят согласные с последующей буквой «Н», изображаются их сочетаниями, т.е. полумерными согласными, выписывающимися на одном уровне с согласной ударного слога.

1. -бно, -пно, -ленно... 2. -бный,
-пный... 3. -бность, -пность... 4. -вно,
-фно... 5. -вный, -фный... 6. -вность...
7. -дно, -тно... 8. -дный, -тный...
9. -дность, -тность... 10. -жно,
-шно, -чно... 11. -жный, -шный,
-чный... 12. -жность, -шность,
-чность... 13. -зно, -сно... 14. -зный,
-сный... 15. -зность, -сность... . . . (36)

1. Преступность. 2. Внезапно.
3. Прикованный. 4. Готовность.
5. Заметен. 6. Прописан. 7. Важ-
ность. 8. Невозможно. (37)

Изменены начертания окончаний данных Сапонько:

1. -ствовать. 2. -ствовал. 3. -ствова-
лись. (38)
1. Действовать. 2. Ходатайствовал
3. Чествовались (39)

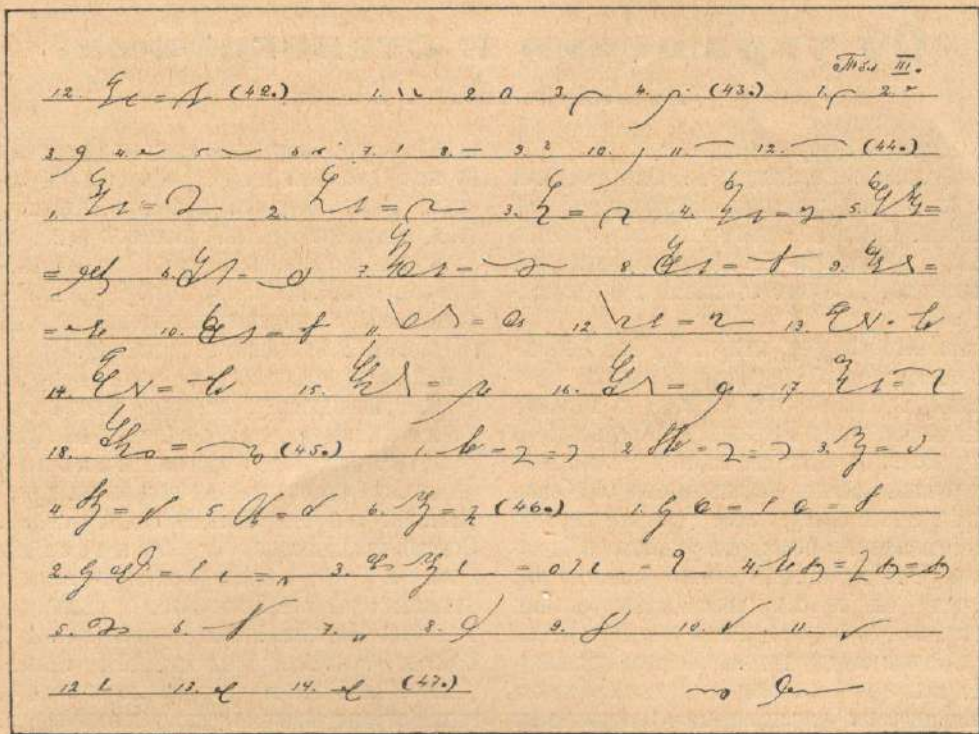
Горизонтальной, одномерной, выгнутой книзу дугой изображаются окончания:

1. -шись, -вшись, -шийся, -вшийся,
- Той же дугой, но двумерной величины выражается окончание:
2. -шйся. (40)

1. Напившись. 2. Проникшись
3. Волнующийся. 4. Призываю-
щийся. (41)

Так же как и у Терне, в последних переработках ударный слог служит основой при построении слов и изображается соответствующим написанием относительно строки согласной или сочетания, входящего в его состав.

Некоторым конечным согласным и их сочетаниям Сапонько даны новые обозначения, благодаря чему упростились начертание слов и уничтожилась послеударная лестница, но доударная лестница сохранилась, так как согласные, предшествующие ударному слогу (начальные согласные), писались знаками основного стенографического алфавита Терне,

вследствие чего письмо строилось лестницей или же приходилось выписывать лишние мертвые соединительные линии. Применение начертаний конечных, в последней переработке, для обозначения начальных согласных позволяет уничтожить первую лестницу и еще более упростить начертание слов.

1. Потоп. 2. Помочь. 3. В шубе.
4. Вкус. 5. В году. 6. Комиссия.
7. Давить. 8. Шрам. 9. Жалеть.
10. Жара. 11. Чемодан. 12. Чужого. (42)

Некоторым сочетаниям начальных (СТ, СД, СВ...) даны условные обозначения, большинство же их образуется путем непосредственного выписывания согласных.

1. зд, ед, зг, ст. 2. аб, сб, зп, сп.
3. вз, фа, вс, фс. 4. воп. 5. бсп. . . . (43)

Приставки выписываются начальными согласными и их сочетаниями, или сочетаниями согласных основного алфавита, и только немногие из них получают условные обозначения:

1. воз-, вос-. 2. при-, пре-, про-.
3. Пере-. 4. Против-, противо-.
5. под-, подо-. 6. Благо-. 7. одно-, едино-.
8. обще-. 9. много-.
10. безвоз-. 11. раз-, рас-.
12. безраз-. (44)

1. Восходить. 2. Возомнить.
3. Возьму. 4. Приготовить. 5. Пересвидетельствование.
6. Подлог.
7. Подготовка. 8. Подослать.
9. Противостественно. 10. Благо-склонно.
11. Единолично. 12. Едино-мыслие. 13. Общеизвестный.

14. Общеобразовательный. 15. Безвозмездно.
16. Безвозвратно.
17. Раскопать. 18. Без размера. . . (45)

В последней переработке, так же, как и в первоначальной системе Терне, в основу сокращения слов положен фонетический принцип. Сокращенные слова представляют собою ударные слоги или их сочетания с начальными и конечными согласными. Когда ударный слог не является характерным для данного слова, то в парламентском письме иногда пользуются корневым принципом сокращений, при чем слова изображаются преимущественно их началом.

1. Хозяйственный. 2. Сельскохозяйственный.
3. Экономический.
4. Социалистический. 5. Революционный.
6. Коммунистический. . . (46)

Слова, постоянно встречающиеся в определенной группировке, иногда выписываются сокращенно, сливаясь в один стенографический знак.

1. Советская власть. 2. Советская республика.
3. Российская коммунистическая партия.
4. Государственное строительство.
5. Русско-Китайский.
6. В таком случае.
7. Давным давно.
8. Какой-либо.
9. Железная дорога.
10. Так или иначе.
11. Того или иного.
12. Те или иные.
13. Прежде всего.
14. Что прежде всего и т. д. (47)

Такова в основных чертах теория системы Терне в ее последнем виде.

А. Гильдебрандт.

Об упрощении в стенографии.

(По поводу статьи т. Штерн).

Статья т. Штерн полна общих утверждений, явно вытекающих из догматической веры в непреложность исповедуемой им теории. Среди его положений встречаются такие, против которых никто не попытается возразить, иные же совершенно бездоказательны.

Из чего следует, например, будто называемые автором «упрощенцы» скажут через голову Габельсбергера обратно к Тирону? Мы знаем, что и Штольце и Габельсбергер тщательно изучали (и с полным основанием) Тироновы ноты; Габельсбергер особенно (хотя и не сразу) ввел непосредственно в свою систему некоторые условности Тирона письма, отчасти ложно понятые им, почему он и сам впоследствии от них отказался (пропуск целиком некоторых слов и слияние отдельных частей предложения). Но какие приемы или принципы Тирона заимствованы «упрощенцами»? Следовало бы указать!

Вот одно из утверждений: «Можно с полной уверенностью констатировать, что никогда не была и едва ли будет создана такая стенографическая система, с помощью которой все слова или их большинство писались бы полностью и, вместе с тем, были бы настолько кратки и графичны, чтобы они обеспечивали общедоступное достижение 75—90 слов». Положение бесспорное; его и хочу, в некотором смысле, сделать исходным пунктом моих возражений.

Выписывать полностью 75—90 слов в минуту совершенно невысказимо. Необходима система сокращений. Весь вопрос в том, как ее достичь. На этом и расходятся пути двух различных (основных) направлений. В одной из предыдущих моих статей я назвала эти направления старо — и новографическими. Должна сознаться: название крайне неточное, ибо системы «новографические» являются таковыми лишь в том смысле, что благоприятную почву для своего развития и строго-научные обоснования они находят лишь в самое последнее время. Но трудно сказать, за которым из этих двух направлений должно быть признано старшинство. Оба они возникли значительно раньше системы Габельсбергера, которому совершенно неправильно приписывается честь как изобретения графического начала в стенографии, так и сим-

волического обозначения гласных (я отнюдь не хочу умалить исторической заслуги Габельсбергера, а также Штольце, этих, по своему времени, больших мастеров и основоположников немецкой стенографии, сумевших сразу пробудить к ней общественное внимание и интерес и этим обусловить дальнейшее ее развитие).

В 1736 году англичанин Гиббс (Gibbs), повидимому, впервые ввел символизацию гласных, но уже в 1747 г. появляется система Маколея (Macauley), основанная на полном их выписывании. Обе эти системы геометрические. Основоположниками графических или курсивных систем в Англии (впоследствии вытесненных системами Тейлора и Питмана) были: Бордлей (Bordley), 1787 г. Ро (Roe, 1802 и 1821), Окслей (Oxley, 1816 г.) и др. Начало использования строки также относится к этой эпохе.

Старейшие авторы оригинальных французских систем: Кулон (Coulon de Thévenot — 1754—1813), Препеан (Prépean, 1777—1837) и Эме Пари (Aimé Paris — 1798—1866) стремились к созданию письма, дающего возможность полного выписывания слов (Sténographie intégrale) и добивались введения стенографии в школу. Парижская академия наук и совет университета отнеслись сочувственно к этой идее, а министр Флокон (Floccon) уже в 1848 г. выдвинул мысль о создании французской университетской системы. Дальнейшие политические события помешали развитию этих планов... Появились во Франции и оригинальные курсивные системы Тибьержа (Thivierge) в 1808 г. и Файе (Fayet) в 1832 г. Последние, правда, не получили значительного распространения, но упрощенная система Эме Пари и в настоящее время преобладает во французской Швейцарии, имея хороший печатный орган «L'Echo Sténographique».

Этот маленький исторический экскурс понадобился мне, чтобы уяснить, что идея возможно полного стенографического письма вовсе не свидетельствует о беспомощном и жалком барахтаньи современных «упрощенцев». На протяжении более чем полтора столетия эта идея медленно и упорно пролагала себе

путь и если до сих пор она не победила, это объясняется колоссальными техническими трудностями, с которыми связано ее осуществление. Люди, работавшие в области какого-нибудь искусства, знают, что конечная простота есть результат большого и долгого пути, и что она труднее сложных вывертов. О создании совершенной стенографической системы пока не может быть и речи, но тем важнее не тормозить ее развития преждевременным созданием унитарной, как это сделано в Германии*).

Автор много говорит о необходимости идеографического письма, заявляя категорически: «других путей нет». Идеография, в той или иной степени, есть неизбежный элемент всякого письма: сложные орфографические начертания на английском и французском языках, где с определенными сочетаниями связывается определенное понятие (так, по-французски: foie-вера, foie — печень, foie-раз, все три слова одинаково произносимые), представляют сплошную идеографию, но теперь уже немногие дадут положительную оценку этому явлению, имеющему, впрочем, веские оправдания в истории развития языка. В стенографии же мы создаем нечто новое, подвергаемое научному анализу и отвечающее требованиям целесообразности.

Автор обвиняет «упрощенцев» в поднесении учащимся какого-то «океана условных сокращений — метода, заставляющего раздумывать над каждым новым словом: как бы получше его сократить». Совершенно непонятно. Ведь условные сокращения — это сокращения постоянные, логически вытекающие из общего построения системы (и потому легко запоминаемые), но окончательные, не требующие и даже не допускающие никакого раздумья. Эти условные сокращения представляют чистейшую идеографию, и только в этом виде идеография нужна и допустима. Во всех же прочих случаях слова должны свободно складываться из отдельных знаков, с применением строго определенных правил для сокращения их. Выработка точных правил и предста-

*) Редакция в корне не согласна с мнением автора относительно «преждевременного создания унитарной», да и т. Будкевич противоречит себе, указывая в конце статьи, что «современное состояние стенографии дает достаточный материал для выработки его.» т.-е. совершенного, с ее точки зрения, письма.

вляет собою задачу системы — для ее реченисного применения. Некоторые простейшие сократительные приемы необходимы и в элементарной стенографии — во избежание завитков, присущих всякой системе.

Полную неразбериху представляют обвинения, выдвигаемые автором против «упрощенцев» в каком-то коверкании русского языка под влиянием слухового метода. Здесь автор явно путает «новые» графические системы с системами «слуховыми» (Штольце, Терне, Сапонько) и, кроме того, не видит разницы между фонетическим письмом (в противоположность орфографическому) и так называемым «слуховым принципом».

В качестве последнего и очень большого преимущества сложных идеографических систем перед «ложно-упрощенскими» автор указывает на слитное письмо нескольких слов подряд. Но это «последнее» преимущество есть преимущество убийственное, от которого, как я сказала выше, сам Габельсбергер в значительной степени успел отказаться. Попробуйте написать таким слитным способом некоторые слова в нескольких строках обыкновенного письма. Легко ли будет прочесть? Каково же расшифровать «идеографическую» глыбу, в которой, например, слог ди означает одинаково деньги и движение, слог ПУ — путь и публика? (см. статью т. Юрковского: «Принципы речениси» «В. С.» № 214, 1924 г.).

Подобный прием заслуживает безусловного осуждения: слитность допустима лишь в виде фразесграмм для обычно рядом употребляемых, образующих одно выражение слов (как бы то ни было, во что бы то ни стало, само собою разумеется, собственно говоря и т. п.).

В данном споре понятие простоты и сложности вовсе не допускает кавычек (ложная «простота», простая «сложность» и т. п.) Система Габельсбергера, при отсутствии простоты, вовсе не так графична, как принято это думать, если под «графичностью» понимать легкость и удобство выписывания любого сочетания и любого слова (а ведь только в этом и дело). Те «несколько необоснованные (!) символические изменения», в которых, по словам автора, Габельсбергер и проявил свое гениальное чутье (как это снисходительно!), на самом деле объясняются невозможностью при данном алфавите создать точную и определенную вокализацию. Буквальное выпи-

сывание гласных, имеющих каждая особый знак, немисливо в речениси, для единообразной же символизации знаки (согласных) не приспособлены, — отсюда пестрая и сложная теория и такие неграфичные приемы, как нажим, совершенно отвергаемый практикой (а в теории не выдерживающий критики). Система пропуска гласных применяется широко (из двух рядом стоящих гласных только одна может быть выражена), но все эти приемы, взятые вместе, не спасают: сплошь и рядом мы упираемся в невозможность передать то или другое сочетание, — приходится прибегать к противным всякой логике вывертам, дающим лишь весьма приблизительные, следовательно, нечеткие начертания.

Действительное преимущество «новых» (упрощенных) систем заключается в том, что они совершенно отвергают символизацию (только такие системы и заслуживают названия новых). Системы этого типа дают (должны дать)

резко разграниченные две ступени: основное письмо и реченись. В основном письме, стремящемся к полноте начертаний, неизбежны некоторые завитки, но «лестница» вполне устранима — при удачном подборе знаков и каллиграфически правильной их установке относительно строки. Реченись, разумеется, требует больших сокращений, но важно, чтобы и здесь всякое сочетание могло быть точно передано, чтобы сократительные приемы представляли нечто органически-цельное, чтобы условные знаки и фразеогаммы вытекали из основ системы и потому не являлись балластом для памяти, а запоминались легко и свободно — на практике.

Такое письмо, в идее, вполне возможно, и современное состояние стенографии дает достаточный материал для выработки его.

А. Будневич.

ОТ РЕДАКЦИИ: По просьбе директора Стенографической Академии в Падуе (Италия) и редактора журнала, издаваемого Академией, проф. Джузеппе Алипранди, помещаем ниже вопросы по поводу издания «Всеобщей Истории Стенографии».

Редакция «В. С.» надеется, что русские теоретики широко откликнутся на эту интересную идею, обсудив ее сперва на страницах нашего журнала и затем направив свое организованное мнение проф. Д.^н Алипранди.

Вопросы по поводу издания „всеобщей истории стенографии“.

1. Находите ли Вы желательным издание «Всеобщей (мировой) Истории Стенографии»?

2. На какой основе? Аналитической, в виде подробных справочных статей, или синтетической, в виде общего обзора?

3. Какие директивы должны быть выработаны для составления отдельных монографий?

4. Возможно ли, в пределах каждой национальной группы, доверить отдельному сотруднику составление монографии, которая должна, ввиду ее научного характера, дать беспристрастный обзор всех систем?

5. Как Вы понимаете финансовую реализацию этого дела? Может ли оно быть осуществлено одним лицом или группой лиц, или же Комитетом Единства международных стенографических конгрессов (Comité de Jonction)?

Я, с своей стороны, являюсь сторонником синтетических монографий, для которых мог бы дать следующие указания:

А. I. Национальная история стенографии в синтетическом изложении, с указанием событий политического, культурного и научного характера, определявших прогресс или регресс в стенографическом движении.

II. Эволюция различных стенографических школ, устройство ими национальных конгрессов, внутренняя организация, выдающиеся представители.

III. Библиография главнейших стенографических изданий (учебников, научных и критических трудов библиографии). Периодические издания. Статистические материалы.

В. I. История различных систем. Характеристика технических основ.

II. Что сделано отдельными авторами в области стенографической науки?

Журнал «Bolletino della Accademia Italiana di Stenografia» принимает статьи с ответами на предлагаемые вопросы.

Giuseppe Aliprandi.

ДЛЯ УЧАЩИХ И УЧАЩИХСЯ

Из педагогического опыта.

(В порядке обсуждения).

I.

Проблемы методики стенографии, равно как и вообще вопросы стенообразования являются одними из самых актуальных в нашей стенографической жизни и не уступают по своей важности центральной проблеме текущего момента — проблеме унитарной. Весьма ценным поэтому является выявление коллективного опыта в области методики, и каждый педагог должен чувствовать себя морально обязанным внести свою лепту в общую сокровищницу. Страницы журнала широко открыты всем тем, кто пожелает последовать моему примеру и поделиться своим методическим опытом с нашими читателями.

В основу данной статьи положены «Тезисы об основах методики преподавания стенографии», выработанные мною по поручению Стенографической Секции Главпрофобра.

Эти тезисы, проработанные на одном из заседаний Секции, были затем подвергнуты обсуждению на совещании московских педагогов-стенографов от 30-го декабря 1926 г. и приняты в основу для будущих работ по методике стенографии.

II.

Прежде всего, какие требования должны быть предъявлены к педагогу-стенографу? Преподаватель стенографии, помимо удовлетворения обще-педагогическим требованиям, знакомства с методикой и дидактикой, как основами всякого преподавания, — должен еще удовлетворять целому ряду требований, связанных со специальными особенностями дисциплины стенографии. Во-первых, педагог-стенограф должен в совершенстве владеть теорией преподаваемой им системы. Без этого немислима его работа вообще. Однако, одного этого мало. Надо быть готовым отвечать на вопросы учащихся о других системах, о прошлом стенографии, а потому педагогу нужно также быть знакомым с основами других, хотя бы важнейших стенографических систем, а кроме того, с историей стенографии вообще. К сожалению,

на русском языке почти нет пособий по этому вопросу, и тут приходится пользоваться только иностранными, весьма богатыми, правда, источниками, но, понятно, не всем доступными. Для лиц, знакомых с немецким языком, могу рекомендовать следующие пособия:

По истории: Dr. Johnen — Allgemeine Geschichte der Kurzschrift, Berlin, 1924.

Mentz — Geschichte der Stenographie, Sammlung Götschen, Berlin, 1920.

Specht — Die Schrift und ihre Entwicklung zur Stenographie, Berlin, 1923.

На русском языке вышла в 1880 году ныне ставшая библиографической редкостью книга Н. Еришова «Обзор русских стенографических систем», разбирающая и критикующая русские системы, кончая системой Терне, тогда недавно увидевшей свет. Но для нас эта книга может иметь только историческое значение, так как она порядочно устарела.

И так, первое требование к педагогу: знакомство с теорией и историей стенографии.

Следующее требование: владение методом преподавания стенографии. Педагог должен уметь так излагать теорию, весь тот материал правил и знаков, который должен быть усвоен учащимся, чтобы экономить при этом время и силы учеников. Этому овладению методом преподавания стенографии способствует правильное представление о существовании стенографии, как дисциплины, т.е. методика в узком смысле слова, с одной стороны, а с другой, — знакомство с процессом формирования стенографа в период его теоретического и практического обучения. Этим последним объясняется необходимость для преподавателя владеть скоростью в 90 слов в минуту. Это требование, как известно, предъявляемое ко всем сдающим экзамен на педагога-стенографа, дает возможность пройти самому, на своем личном опыте, весь

процесс формирования стенографа, через который проходит ученик, прежде, чем стать стенографом. Владение методом преподавания стенографии — это значит владение всей той суммой практических приемов, способов, методов изложения материала теории, ведения уроков на всех ступенях обучения, подачи ученику подлежащего усвоению при проработке материала, что в совокупности образует каждодневный опыт педагога. Опять приходится с прискорбием констатировать, что на русском языке нет почти ничего по вопросам методики стенографии, кроме отдельных статей в нашем журнале да переведенной с немецкого языка книги Карле Гене «Как стать хорошим стенографом»^{*)}.

Из имеющихся на немецком языке книг можно рекомендовать:

1. Klören — Methodik des Stenographischen Unterrichtes.
2. K. Hesk — Methodik des Stenographischen Unterrichtes.
3. Bonnet — Handbuch für die Vorbereitung auf die Prüfung als Lehrer der Stenographie.

Затем, так как преподавателю приходится в процессе обучения читать текст со скоростью, соответствующей стенографической автоматизации учащихся, то понятна необходимость умения равномерно и точно диктовать различные скорости.

Таковы те требования, которые должны быть поставлены квалифицированному педагогу-стенографу, имеющему право работать над живым человеческим материалом, над учащимися, доверяющими педагогу свои силы, время, деньги в течение многих месяцев в надежде получить от него знания и практическое умение, необходимые стенографу.

III.

Моментами, обуславливающими возможность при помощи стенографического письма поспевать за быстрой человеческой речью, являются, во-первых, краткость стенографических начертаний, превосходящая во много раз обычное письмо и, во-вторых, полная автоматизация стенописма, отсутствие раздумывания над тем, как выписать те или иные слова. На этих двух момен-

тах базируется весь секрет стенографического искусства:

краткость и автоматизация!

В процессе обучения ученик сначала приучается пользоваться кратким стенописмом посредством изучения теории стенографических сокращений, а затем, когда теория изучена, рядом практических упражнений добывается постепенно все более совершенной автоматизации письма, все реже и все меньше останавливается в раздумьи над тем, как выписать слова, пока, наконец, добившись этой автоматизации, направляет свое внимание, на увеличение скорости письма до предела. В соответствии с этим весь процесс обучения стенографии может быть разбит на три этапа:

1. Усвоение теории.
2. Автоматизация всех правил и знаков.
3. Повышение скорости письма.

Первый этап обучения стенографии характеризуется установкой на овладение теорией системы. Скорость письма совершенно не должна играть роли. Всякая преждевременная спешка, всякий слишком ранний переход к упражнениям на скорость, всякое формирование процесса письма в смысле скорости может повести к весьма плачевным результатам, в виде появления у учащегося неправильного искаженного почерка. Вместе с задачей обучения теории педагог должен иметь своей целью на первом этапе обучения постановку у учащегося почерка — правильного (в отношении теории), точного (в отношении начертаний) и легкого (в смысле беглости письма). Надо внедрить в головы учащихся мысль, что стенографическая скорость достигается не быстротой движения руки, а автоматизацией, отсутствием раздумывания при письме. Поэтому правильным является положение: чем медленнее, а значит — точнее и правильнее, учащийся пишет вначале, тем легче и быстрее будет он писать потом.

При изложении теории педагог должен не отпугивать учащихся требованием зубрежки знаков и правил. Правила и знаки должны внедряться не одним монотонным повторением одних и тех же элементов, а связным осмысленным усвоением в процессе многократной проработки этих слов и знаков в различном контексте. Когда дело дойдет до практических упражнений, тогда пригодится и метод эскзерсисов, метод повторений, положенный в основу так назы-

^{*)} Можно выписать по адресу: Москва, Волконка, 16, кв. 7, Юрковскому, — отдельные экземпляры по 50 коп. (марками).

ваемых «гамм Estoup»^{*}). А во время прохождения теории правила должны усваиваться на примерах, наглядно, осмысленно. Метод изложения правил может быть или описательным, т.е. когда преподаватель излагает правило догматически, а затем иллюстрирует его рядом примеров, или эвристическим, когда преподаватель, не приводя правила, дает ряд новых начертаний, помогая учащемуся самому вывести из них новое правило, на основе которого эти начертания выполнены. Второй метод предполагает наличие более квалифицированной аудитории, могущей производить самостоятельную уместную работу.

Чрезвычайно важным условием успешности изучения теории учащимся является усвоение им только правильных форм письма. Кажущаяся самоочевидность этого положения не должна отвлекать от его сущности. Дело в том, что мало дать правило и показать правильное его применение. Надо проследить за тем, как это правило применяется на деле индивидуально каждым учеником в отдельности. В стенографии, где чрезвычайно дифференцированы, чрезвычайно малы отличия одних элементов от других, где один и тот же знак может иметь самое различное значение в зависимости от размера, положения, нажима и т. д., чрезвычайно роль играет точность начертаний, соразмерность знаков. Поэтому, для усвоения только правильных, точных форм письма надо преподавателю как можно ближе, теснее подойти к учащемуся, наблюдая, особенно на первых порах, за его почерком, корректируя его, давая указания, советы, по возможности, показывая ему как можно чаще и больше эти правильные формы, посредством личного писания на доске или другим путем. И здесь приходится с некоторой завистью оглянуться на Запад, где в огромном количестве издаются стенографически напечатанные с образцово выполненными стенограммами книги и журналы самого разнообразного содержания, служащие материалом для практических упражнений в чтении и переписывании. Были и у нас попытки издания стенографического материала в помощь уча-

щемуся, однако широкими размерами и долговечностью эти попытки не отличались. Приходилось некоторым педагогам, признававшим ценность этого метода от руки чернилами, т.е. самым кустарным способом изготовлять некоторое количество таких «образцовых текстов» для раздачи своим ученикам, но, конечно, такие «образцовки» (Uebungsstoff — материал для упражнений, как говорят немцы) долго служить не могли в силу быстрой изнашиваемости.

Тем же требованием дачи учащимся только правильных форм письма обусловлена необходимость на первых порах до овладения учащимся всеми правилами теории не писать ничего, кроме примеров, даваемых преподавателем. А эти примеры должны быть заготовлены заранее на каждое правило при чем учащемуся сразу даются окончательные формы начертаний, чтобы ему никогда не приходилось переучиваться.

Упражнениями при классных занятиях во время первого этапа обучения могут явиться:

1. Списывание с доски учащимися примеров, написанных преподавателем на только что объясненные правила. Предварительно учащиеся читают с доски написанное, упражняясь в расшифровке примеров на новые правила.

2. Писание под диктовку небольших фраз незнакомого текста на пройденные правила при объяснении преподавателем начертаний затруднительных слов, при проглядывании им работ учеников и даже при этом соответствующих указаний и исправлений.

3. Писание под диктовку проработанного текста знакомых фраз и примеров.

На дом учащимся задается:

1. Усвоить правила теории и знаки на примерах, показанных в классе.

2. Самостоятельно застенографировать небольшие отрывки с последующей проверкой их в классе.

3. Проработать материал, данный в классе, в виде начертаний различных слов и фраз: фразы — медленно переписываются по 5—8 раз, слова — по одной строке.

(Продолжение следует).

А. Юрковский.

^{*} Известный французский педагог и методист. Ред.

БИБЛИОТЕКА
Курсів Канторсько-Канцелярської
Праці та Стенографії
В дніл. 4
Одеса, Островидова 87

Долой халтуру.

(В дискуссионном порядке).

Мы должны двинуть стенографию в широкую массу учащихся и работников умственного труда в целях борьбы с бюрократизмом и интенсификации умственного труда. Можно было бы уже сейчас начать преподавание стенографии среди служащих по наиболее прогрессивным системам, не дожидаясь того далекого времени, когда наши теоретики, как следует, раскачаются и, бросив личные расчеты, создадут коллективными усилиями что-нибудь более ценное. Надо было бы немедленно открыть широкую пропаганду стенографии, но у нас ничего не выйдет, пока не будет выработана рациональная методика преподавания. Лучшим доказательством того, что нам не хватает именно методики, является то явление, что за границей, где, по моему глубокому убеждению, теория менее прогрессивна, чем у нас, застыла в консервативных рамках, лишенной оригинальности и размаха, — там, благодаря разработанной методике, имеется несравненно более высокая продукция стенографов, более высокий % оканчивающих курсы.

Основным недостатком нашей методики является отсутствие внимания и чуткости к индивидуальным особенностям и недостаткам каждого отдельного ученика, — отсутствие элементарнейшего принципа педагогики.

Собственно говоря, общие принципы методики стенографии многим преподавателям знакомы, но, вместо того, чтобы применять их, они пренебрегают ими или не прилагают никаких усилий к разработке и детализации этих принципов.

Как часто у нас случается, что менее удовлетворительная в отношении теоретических достоинств система дает лучшую продукцию, исключительно благодаря любовному и умелому преподаванию.

Жалобы некоторых преподавателей на невозможность более углубленной работы, в виду перегруженности группами, приводят нас снова к бесспорному для нас вопросу о необходимости учреждения педотделения при центральных курсах. Но, во всяком случае, эта добровольная со стороны преподавателей перегрузка (в погоне за большим заработком) не может служить оправданием для небрежного, подчас «халтурного» преподавания.

Особо худо обстоит у нас дело с выработкой четкого автоматизированного стенопочерка и безболезненной для руки и нервов скорости.

Не многие из преподавателей могут констатировать, что они точно и систематически, начиная с первых дней изучения алфавита и кончая достижением учеников 110 слов, учитывают особенности и недостатки индивидуальных стенопочерков и (а это-то и важно) принимают верно рассчитанные меры к исправлению этих недостатков и наилучшему использованию особенностей.

На некоторых стенкурсах, или, вернее, некоторыми преподавателями (так как дело не в курсах, а в преподавателе, прежде всего), стенограммы учеников корректируются секундным образом тут же в классе. Говорю об этом на основании личного опыта обучения в течение 2-х с лишним лет. И это в то время, когда в школе 1 ступени, где преподается письмо во много раз проще стенографического, письменные работы и то берутся на дом для детального просмотра.

Ошибки стеноучащегося, особо многочисленные в период перехода от теоретических упражнений к скоростным диктовкам, не будучи исправленными, автоматизируются учеником и делают его непригодным к безошибочному стенографированию больших скоростей (90—110), так как с повышением темпа выписывания «автоматизированная» ошибочность начертаний начинает все сильнее отражаться на качестве стенограммы и расшифровки.

В то время, как при наличии рационально поставленного стенопочерка 75, 90—110 слов были бы лишь условными пунктами продвижения к предельной скорости данного ученика, обуславливающейся его графическим запасом, отсутствие такого почерка сильно тормозит или делает почти невозможным для большинства переход к 90—110 словам.

Все сильнее ощущается отсутствие каллиграфических приемов в методике стенографии. Вот почему необходимо более серьезно, чем это делалось до сих пор, ознакомиться с методом физиографического письма т. Рождественского, описание которого на страницах и/журнала в 1924 г. было так неожиданно прервано, как говорится, на

самом интересном месте. Нам, именно, не хватает приемов, при помощи которых рука с неправильным тяжелым почерком становилась бы пригодной для быстрого стенографирования.

Небрежность преподавателя к почерку учащегося отражается не только на успеваемости, но и на его здоровье, так как деформация знаков есть ничто иное, как деформация волевых движений, ведущая к нервозности.

Кроме беглых пробежек по тетради почерк проверяется на классной доске, которую надо бы «развенчать», как не имеющую ничего общего с подлинной доской ученика, с его тетрадью, куда знаки вписываются в характерном для него виде (форма, размер, расположение). На доске можно исправлять только теоретические ошибки, а в отношении графических ошибок она ничего характерного не дает. Лучшим доказательством ненужности доски при внимательном отношении преподавателя к тетрадям учеников является тот факт, что на стенкурсах Крулева, где очень серьезно поставлено дело выработки стенопочерка, ученики не умеют писать стенографически на доске и все-таки читают свободно стенограммы своих товарищей по системе.

Не менее вредной, чем доска, является линованная бумага при писании на большие скорости, так как линии стесняют индивидуальные особенности почерков *).

Если все ученики с разными «углами резания» (как утверждает т. Рождественский), т.е. разным наклоном и площадью, охватываемой пером по отношению к листу бумаги, пишут на одинаковых линейках, то добрая половина на них ломает себе руку.

Моментов, тормозящих успеваемость по стенографии, неисчерпаемый колодезь, и задачей статьи не является перечисление всех их, а лишь постановка вопроса об улучшении качества преподавания.

Отсутствие учебников, образцовых стенограмм (текстов), плохое качество письменных принадлежностей, нерационально построенные парты и пр., все это отражается на качестве нашей продукции не в меньшей степени, чем нерационально построенная теория.

*) Данное положение автора представляется нам спорным.

Редакция.

Отметим еще в заключение неуклюжесть диктовок, губящая даже тех учеников, которые благополучно (благодаря собственной инициативе) выбирают из прочих затруднений с почерком и т. п.

Из психотехники мы знаем, что темп и напряжение любого действия никогда не бывают равномерными, а постоянно колеблются, при чем в начале работы преобладают понижения, в середине — повышения, и в конце опять проявляются тенденции к понижению. «Прямой линии нет», как говорит Эйнштейн.

Казалось бы, что в такой напряженной работе, как писание на скорость, должен быть учтен этот самоочевидный закон. К сожалению, так не делается. Диктовки на 75—90—110 слов ведутся изо дня в день, в течение многих месяцев, наперекор этому закону. В продолжении 1½ часов отрывки (на 3—5 минут) диктуются однообразным темпом с монотонностью метронома. Ровный темп быстро утомляет и неудивительно, что к концу диктовки карандаши валятся из рук. Благодаря такому неестественному темпу, производится и извращение законов живой речи, законов «ораторского искусства». Мы знаем, что слова, более часто встречающиеся в обиходе, быстрее произносятся оратором и легче записываются стенографом и наоборот. Такова гармония законов речи и письма. Где это видано, чтобы оратор говорил с одним темпом в течение 1½ часов? На это способна только машина. Однако, на диктовках именно так и поступает диктовальщик.

Ненормальны и ничего общего с действительностью не имеют и экзамены на большие скорости, где в течение 3-х минут заставляют писать одним и тем же темпом. Особенно это утомительно на 110 словах и неудивительно, что так много учеников «проваливается». Те же ученики, изнемогающие на диктовках, записывают сами где-нибудь на собрании 2-часовой доклад и чувствуют себя при этом гораздо менее усталыми. В этом нет никакого чуда. Оратор, говорящий со средней скоростью в 110 слов, очень часто снижается до 90 слов и в это время стенограф как бы отдыхает.

От выработки рациональной методики зависит темп внедрения стенографии в самые глубокие толщи умственной жизни нашего союза.

Учащийся Моск. Курсов им Милюткина
И. Штерн.

ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

Итоги по вопросу о стенографе-автомате.

Для того, чтобы осветить все неясные моменты в изобретении проф. В. И. Коваленкова, по желанию редакции, я самым тщательным и критическим образом подошел к их выявлению. Теперь, мне кажется, мы имеем уже все данные для подведения итогов.

Должен констатировать, что эти итоги говорят действительно о моей несколько поспешной и слишком положительной для прибора изобретения оценке и о бесспорно правильных выводах редакции. Попробуем проанализировать все те моменты, которые вызвали сомнения. Нельзя отрицать, конечно, того факта, что изобретенным прибором достигается, как точная фиксация речи, так и ее расшифровка. Вопрос о фиксации можно оставить, как не подлежащий сомнению. Расшифровка вызвала сомнения в том смысле, что возможно ли получение стенограммы немедленно или хотя бы в более или менее короткий срок. Профессор по этому вопросу дал мне надлежащие разъяснения, из которых можно заключить следующее:

При работе одного прибора ленту с записанными на ней звуками можно воспроизвести, как мы уже знаем из первой беседы, приблизительно через 2 часа после окончания заседания, совещания и пр. Теперь, принимая во внимание работу на пишущей машинке, для записи речи на бумагу, мы можем установить приблизительно (я беру съездовую норму: на 10 минут стенографирования — 40 минут печатания), что отчет, например, 2-х часового заседания можно получить через 14 часов при работе одной машинистки. В этот счет входит 2 часа проявления, 8 часов печатания, 4 часа редактирования. При работе 2 машинисток, если ленту разделить пополам и пропускать через 2 телефонных усилителя, — подача стенограммы ускорится почти вдвое, при работе трех машинок — втрое и т. д.

Допустим, что будут работать 2 прибора попеременно. И в этом случае получение стенограммы не ускорится. Например, при-

бор работает полчаса, после чего начинает работать другой, а из первого лента вынимается, проявляется и воспроизводится. В таком случае, каждый получасовой отрывок мы можем иметь только через 5 часов при работе одной машинистки и через 4 часа при работе 2 машинисток. Для проявления ленты, какой бы то ни было длины, неизменно требуется 2 часа. Кроме того, следует отметить то обстоятельство, что для немедленного проявления ленты требуется наличие лаборатории на месте. Иначе, пожалуй, необходимо прибавить время, затрачиваемое на перевозку ленты с места заседания в лабораторию и обратно.

Как мы видим, такая скорость расшифровки не всегда может удовлетворить требования, предъявляемые со стороны работодателей. Теперь попытаемся произвести калькуляцию расходов, необходимых при использовании прибора, оставляя в стороне вопрос о стоимости самого прибора или двух и принадлежностей к ним (микрофонов, телефографов и пр.).

Возьмем расходы по оплате обслуживающего персонала, при чем будем исходить из почасовой, ориентировочной оплаты труда. Первое лицо — техник, наблюдающий за работой прибора, — 1 рубль в час. Второе лицо — лаборант, проявляющий ленту, — 2 р. в час. Третье лицо — машинистка, печатающая стенограмму, — 1 р. в час. Четвертое лицо — редактор-корректор, редактирующий стенограмму, — 2 р. в час.

Посмотрим, во что выразится оплата обслуживающего персонала за час чистого стенографирования: Техник (1 час) — 1 р. Лаборант (2 ч.) — 4 р.

Машинистка и техник (для наблюдения за телефонным усилителем) (4 часа) — 8 р.

Редактор (2 часа) — 4 р.

Таким образом, на оплату труда обслуживающего персонала потребуется 17 руб. за час чистого стенографирования. Возможно, что при совмещении некоторых обязанностей (техник-лаборант, машинистка-редактор) эта цифра уменьшится, но при-

воспроизведении ленты частями такое совмещение обязанностей невозможно по вполне понятным причинам.

Перейдем к другим расходам, связанным с работой «стенографа-автомата»: электрическая энергия, дающая ток для автоматической работы прибора. Расход этот копеечный и выразится в такой небольшой сумме, что о нем не стоит распространяться.

И, наконец, последний и главный расход — это целлулоидная лента. Это обыкновенная кинолента, но шириной всего около 10-миллиметров. При работе прибора средняя скорость ее прохождения — 10—12 метров в минуту. Мы берем опять-таки за единицу час и получим 600—720 метров. В данном случае, как мне пояснил проф. Коваленков, от скорости прохождения ленты через прибор зависит отчетливость воспроизводимых после звуков. При большей скорости получаются и более отчетливые, ясные звуки. Следовательно, для того, чтобы иметь точную стенограмму, можно считать длину ленты в 700 метров. При проявлении негатива ленты в лаборатории с нее делается позитив, на который требуется такое же количество ленты, т.е. 700 метров. Итого на один час стенографирования расходуется 1400 метров ленты. Обыкновенная кинопленочная лента стоит 50 копеек метр. Лента для «стенографа-автомата» раза в 3 уже и стоимость ее можно определить в 15 копеек. Помножив 1400 на 15 мы получим 210 рублей. Приняв еще во внимание рас-

ходы по лаборатории (химические препараты), выражающиеся для кино-пленки в 8—10 коп. за метр, и считая расход на проявление ленты прибора в сумме 3 коп. за метр, мы должны прибавить к расходам еще 21 руб.

Теперь мы можем закончить нашу калькуляцию, округлив все расходы за час чистого стенографирования в очень солидной цифре 250 рублей, превышающей нашу тарифную оплату почти в 17 раз (!).

Наш СССР, конечно, еще не так богат, чтобы все могли ездить на автомобилях и пользоваться «автоматом-стенографом».

Возможно, что прибор проф. Коваленкова будет использован в исключительных случаях, напр., для передачи особо важных выступлений наших вождей через усилитель широким рабочим и крестьянским массам, но, по видимому, пока в области автоматического стенографирования положительные результаты, в смысле замены стенографа более дешевым применением машины, — не достигнуты.

Мне кажется, что в ближайшие годы скорее найдет себе применение стенотипия, развивающаяся за границей. Но пока и в этой области у нас нет ничего положительного, а потому нашей задачей, в данный момент, остается закрепление позиций на стенографическом фронте, непрерывное наступление вперед и, в первую очередь, завоевание канцелярских аппаратов.

Ленинград.

Б. Вишневский.

О редактировании.

(Ответ всем участникам дискуссии *)

Прежде всего, два слова о термине «редактировать». Здесь, в этом слове, по моему, и кроются те недоразумения, которые вызваны были моей фразой о приглашении редакторов. Какие громы раздались по этому поводу! Меня даже укоряли в расточительности, в игнорировании режима экономии и прочее, и прочее, а все дело только в том, что мы по разному понимаем слово «редактировать».

В пр. № журнала помещена статья тов. Щегловой, с основными положениями которой я совершенно согласна. Статья эта значительно облегчила мне задачу изложения моей точки зрения по данному вопросу.

*) См. статьи №№ 1/13, 3/15, 5—6 26 г. и 2/24 27 г.

Тов. Щеглова совершенно справедливо указывает, что нам нужно окончательно договориться по вопросу, что подразумевать под словом «редактировать». Необходимо отметить, что как в статьях моих оппонентов, так и во всех статьях, трактующих вопрос о поднятии качества стенограмм, нет единого понимания этого термина. Одни говорят о литературной обработке, другие — о необходимости придания ясности туманным местам речи оратора, мотивируя это тем, что, мол, работодатель не поблагодарит за неясную стенограмму, третий просто возмущается моей фразой о приглашении редакторов, с точки зрения режима экономии, но никто, кроме тов. Щегловой, даже не попытался совершенно ясно и отчетливо определить права и обязанности

стенографа при расшифровке стенограммы. Попытаюсь наметить мои основные положения по данному вопросу. Прежде всего, нужно категорически отказаться от слова «редактировать», ибо право редактирования дает большие полномочия, которые, разумеется, никогда, как правило, стенографам не предоставляются. Мое, чрезвычайно осторожное, определение обязанности стенографа — строить грамматически правильную речь из слов, произнесенных оратором, мне кажется, отпечь не могло дать повода тов. Карповой выставить меня сторонницей стенографа-автомата. Я думаю, что те требования, которые я предъявляю стенографу, они, как раз идут по линии максимальной точности записи, с одной стороны, а с другой — по линии максимальной продуманности этой записи при ее расшифровке, ибо грамматически правильное построение речи оратора — вещь далеко не простая и не легкая. В этом со мною наверно согласится большинство стенографов-практиков.

Таким образом, я совершенно категорически высказываюсь, как против так называемой «дословной» записи, когда стенограф с легким сердцем, расшифровывая заведомый вздор, заявляет: «Так сказал оратор», или — что еще лучше — «Так у меня записано», так, с другой стороны, и против «литературной обработки» стенограмм, против «придания смысла» и проч., и проч. Все это исчерпывающе отмечено и в статье тов. Щегловой, к доводам которой я всецело присоединяюсь. Отмечу только замечание тов. Щегловой, замечание совершенно справедливое, о том, что нельзя

требовать от стенографа энциклопедичности, всестороннего знакомства со всеми отраслями знания, что, разумеется, необходимо для редактирования, в собственном смысле этого слова. Это правильно, но я полагаю, что даже если стенограф и прекрасно разбирается в том или ином вопросе, то, при отсутствии специального задания, он не имеет права редактировать. На этом я очень настаиваю.

Конечно, дело не в словах и если мы под редактированием условимся понимать то отношение к стенограмме, которое выдвигаю я и которое тов. Щеглова называет редактированием, то самая наличность спора отпадает, но так как в данном вопросе чрезвычайно важна точность определения, то я бы предложила обязанности стенографа при расшифровке охарактеризовать не одним словом (редактирование, корректирование и т. д.), а сжатым описанием всего процесса расшифровки, именно: стенограф, оперируя словами ораторов, строит грамматически правильную речь, придавая ей, по возможности, удобочитаемую форму.

В заключение мне хотелось бы сказать, что действительно тема эта животрепещущая и говорить о ней, как справедливо заметила тов. Щеглова, можно без конца, но я считаю, что мы, стенографы-практики, прошедшие большую и трудную школу самой разнообразной стенографической работы, должны делиться своим опытом с нашими молодыми товарищами и предостерегать их от тех ошибок, на которых мы сами учились.

Л. Бацевич.

Ленинград.

ИТОГИ ДИСКУССИИ.

Длительную дискуссию о редактировании редакция считает исчерпанной, так как вопрос был всесторонне обсужден. При всей кажущейся разноречивости мнений наших читателей, вызываемой подчас их непониманием друг друга, можно прийти, как нам кажется, к следующим выводам: редактирование в широком понятии слова вредно, так же вредно, как и другая крайность: подача необработанной сырой стенограммы. Почти всякая стенограмма нуждается в корректировании в том смысле, как это понимается т. Щегловой (№ 2124) и т. Бацевич.

К редактированию можно прибегать только по просьбе учреждения или отдельных ораторов, а также в учреждениях, где постоянно работают и знают предъявляемые к тебе требования, но, во всяком случае, не на эпизодических работах, когда неизвестно назначение стенограммы, а подчас незнакома и тема.

Редакция советует проработать данный вопрос в объединениях на широких экономических совещаниях, что, несомненно, будет способствовать поднятию качества сегодовой стенограммы.

РЕДАКЦИЯ.

ВІСНИК
Курсів Конторсько-Канцелярських
Праці та Стенографії
Відділ № 4
Секція, Островцова 82

ПРОФРАБОТА

Легче на повороте.

(В дискуссионном порядке).

В статье «Пора изменить» («В. С.» № 2—26) тов. Казанский затронул проблему, которая чрезвычайно интересует не только наш широкий стенографический актив, но занимает некоторое время умы многих работников в нашего союза. В частности, в органе Центрального Правления нашего союза на Украине «Службовець» была помещена статья местного харьковского профработника, в которой автор весьма резко ставил вопрос о целесообразности дальнейшего существования комитетов стенографов. Следует отметить, что в этой области существуют самые различные и противоположные мнения, и вопрос назрел настолько, что его абсолютно необходимо было через посредство нашего журнала вынести на обсуждение широкой массы стенографов.

Мы совершенно не собираемся спорить с тов. Казанским по вопросу о том, что меняющаяся обстановка требует изменения организационных форм и методов работы. Но дело в том, что, говоря о «некоторых изменениях» в методах обслуживания стенографической массы, тов. Казанский на деле предлагает коренную перестройку всей нашей нынешней организационной структуры и ревизует решение ВЦСПС в самой его основе. Мероприятия, намечаемые им, при всем желании никак нельзя назвать умеренными, так как по существу они диаметрально противоположны постановлению ВЦСПС и оспаривают основные пункты этого постановления.

Рассмотрим сначала положения, которые выдвигает тов. Казанский, в свете той практической обстановки, в какой мы работаем в настоящее время, и попытаемся сделать отсюда надлежащие выводы. Автор статьи считает, что за два года «многое улучшилось, работники стенографии приобщились к союзной работе, вопросы стенографии привлекли к себе внимание государственных и союзных органов» и т. п. Все это так, с этим нельзя не согласиться. Но предположим на минуту, что реформа, предлагаемая тов. Казанским, осуществилась, что все эти «умеренные» мероприятия проведены

в жизнь, комитеты распущены, стенографы, работающие постоянно в учреждениях, будут отныне обслуживаться своими местками, а для тех работников стенографии, которые не имеют постоянных должностей, будет создан особый группом. Что это значит? А это, прежде всего, значит, что постановление ВЦСПС в части обязательного вхождения всех стенографов, независимо от места службы, в союз Советоргслужащих — должно быть аннулировано, т. е. стенографы снова будут распущены по многим союзам. А это, в свою очередь, означает, что если сейчас стенограф, в случае какого-либо ущемления его интересов, обращается в свою профессиональную ячейку и находит там понимание, отклик и помощь советом и делом, то, будучи прикрепленным к местному своему учреждению, он навряд ли встретит там это понимание, учет специфических условий его труда и необходимую защиту. В лучшем случае, этот местком сможет обслужить культурные запросы стенографа, но не больше. Таким образом, тут не только не наступит улучшения профессионального обслуживания, из-за чего по существу весь сыр-бор загорелся, а наоборот это профессиональное обслуживание сильно пострадает.

Наряду с этим, по мысли тов. Казанского, Комитеты стенографов и институт уполномоченных должны быть распущены и, в качестве единственной организационной единицы, останется группом, который будет объединять тех съездовых стенографов, которые не находятся на постоянных должностях, т. е. группу наиболее малочисленную.

Иначе говоря, рухнет вся та система, которую мы с таким трудом, по камешку, строили на протяжении более, чем 3-х лет. Мы возвращаемся почти в первобытное состояние, наступает рецессия, возврат к тому положению, которое мы имели на заре стенографического движения в СССР.

Это не просто «жалкие слова» и не «пеховые пережитки» заставляют нас выступать против ревизии постановления ВЦСПС, а боязнь, что предпринятая недостаточно

обдуманно ломка существующей системы сведет на нет всю упорную работу по созданию всесоюзного объединения стенографов, которая велась на протяжении всего этого времени, что расплывется тот актив, который удалось собрать вокруг Комитетов стенографов, и порвется наладившаяся было связь с союзом.

Этого ли хочет тов. Казанский? Думается, что нет и на такую точку зрения не станет ни один человек, который ценит те достижения в смысле организованности и спайки, которых мы добились за это время.

Совершенно очевидно, что какая-то ячейка, обслуживающая массу стенографов и знающая специфические условия их труда, должна сохраниться. Речь может идти только о форме этого звена, этого производного ремня от союза к массе стенографов. Можно говорить о создании специальных комиссий при отделах союза по вопросам стенографического труда, можно говорить о строительстве секций стенографов, по примеру секций торговых служащих, но тут возникает естественный вопрос — а чем же будет отличаться их работа, их функции от функций Комитетов стенографов, и сможет ли эта новая организация стать к массе ближе и обслужить ее лучше, чем это делают сейчас Комитеты.

Мы знаем, что до сих пор Комитет стенографов являлся ячейкой, через посредство

которой союз осуществлял обслуживание стенографической массы, и консультантом по всем вопросам, касающимся труда стенографов. Всякая другая организация, которая заменит Комитеты стенографов, должна будет эти функции выполнять, и нет никаких оснований полагать, что она будет это делать лучше, чем это делают Комитеты, т. е. содержание останется то же, изменится только форма или, вернее, даже не форма, а название. Стоит ли из-за этого огород городить? Конечно, не стоит.

Нам думается, что в целом Комитеты стенографов, безусловно, себя оправдали и что роль их далеко еще не доиграна. Перед ними, помимо вопросов профессионального обслуживания стенографов, стоит еще целый ряд задач, которые потребуют больших усилий и длительной энергичной работы. Ликвидация Комитетов будет означать, что эти задачи останутся неразрешенными, недоделанными, что расплывется актив и вся стенографическая масса.

Усилить Комитеты там, где они слабы, оживить их работу, крепче сплотить актив — вот какими путями нам нужно идти к улучшению профессионального обслуживания стенографов, но не путями ликвидаторскими, путями ревизии постановления ВЦСПС.

Л. Гельфенбейн.

Харьков.

Кто за нами.

(О первой Азербайджанской стенографической выставке 12/XI 26 г. — 1/I 27 г.).

Совершенно неожиданно, внеплановым порядком, в начале октября пр. года у Бакинского Комитета стенографов возникла мысль об организации стенографической выставки.

Взялись за кропотливую подготовительную работу. Заинтересовали Культотдел нашего союза, привлекли внимание рядовых стенографов, учащихся школы стенографии. Слово «выставка» у некоторых вызвало усмешку недоверия, у других — горячее желание помочь этому делу. Последние — большей частью учащиеся стеношкол — принесли с собой беспешачность молодежи, страсть ее и безудержное желание к стройке.

Начали собирать по «кирпичику» экспонаты для выставки, заказывать и готовить плакаты, лозунги, диаграммы, рисунки, обдумывать хозяйственно-финансовую и практическую сторону дела... Выставочная

комиссия заседала, бегала, спорила, убеждала, упрашивала, приглашала... Работали, не покладая рук. Каждый шаг для книг доставался с бою, с большим трудом были отвоеваны две лучшие комнаты в клубе...

Подняли шумиху в печати. «В ближайшие дни состоится открытие Первой Азербайджанской Стенографической Выставки, обещающей быть очень интересной» — гласили две репортерские строчки. То же сообщали объявления об открытии выставки и статьи, посвященные ей.

Разослали по союзам и местным пригласения на открытие, организовали торжественное заседание с большим концертным отделением (выступлениями клубных кружков и живгаза, исполнившего, м. п., две весьма интересные стенографические агитпесни).

Открытие выставки состоялось 12 ноября в переполненном зале союзного клуба приветствиями от различных организаций и кратким сообщением о целях ее. С этого дня и до 1-го января 1927 г. большое световое объявление у входа в клуб каждый вечер привлекало посетителей на выставку. Их прошло около 1.500 чел.

На выставке было установлено постоянное дежурство, давались объяснения, которые нередко превращались в коротенькие лекции по тому или иному вопросу.

Из отделов особенное внимание привлекали — исторический и научный. Подотдел истории письменности был составлен по указаниям прив.-доц. Яблоко. Наглядные иллюстрации свидетельствовали об эволюции письма; большая сравнительная таблица алфавитов различных народов и времен — о родственной связи между ними (алфавитами).

В Подотделе истории стенографии, среди прочего литературного и фотоматериала, выгодно выделялась художественно исполненная, в виде дихотомически делящегося (геометральные и графические системы) развесистого дерева, родословная стенографии.

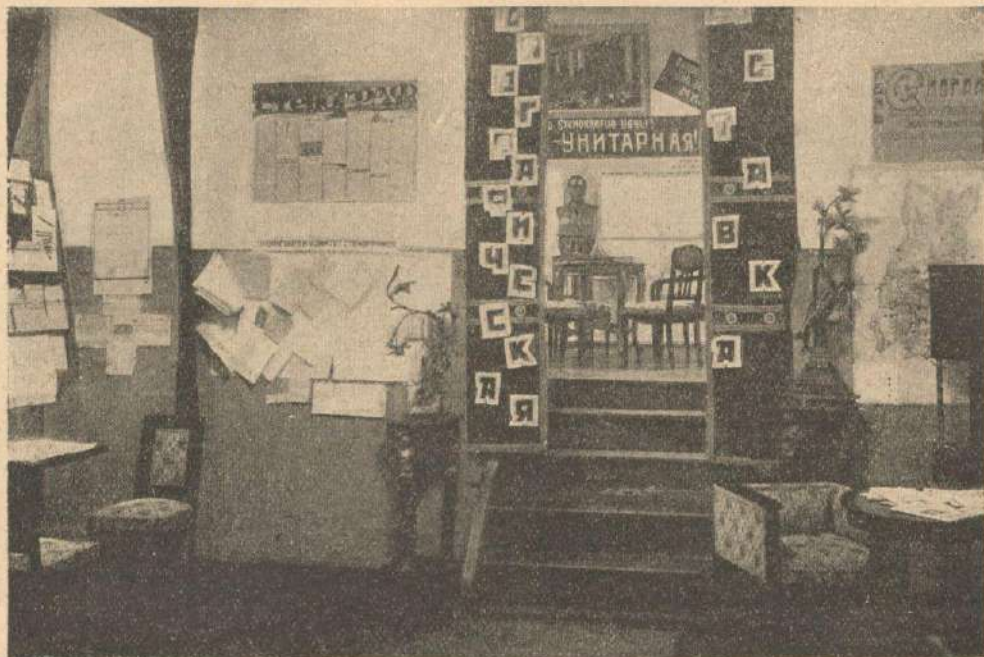
Научный отдел возбуждал интерес (и много вопросов) сравнительными таблицами алфавитов русских и иностранных, графических и геометральных систем, уголками систем, материалами об унитарной и т. д.

Отдел стенообразования был представлен большим количеством образцов ученических работ бакинских школ стенографии, «наглядными данными о том, как развивалась стенография в СССР (и в Баку в частности) за годы революции», печатными лекциями местных школ стенографии, диаграммами о числе и составе учащихся, материалами для преподавания и т. д.

Отдел профессиональный знакомил посетителя со схемой построений к-тов стенографов, общим количеством и распределением их по городам (диаграммой и на карте) со всевозможными постановлениями вышестоящих союзных и прочих организаций о стенографах и их труде, а также сведениями о составе и работе Бакинского объединения.

Весьма показательно свидетельствовал о пользе и областях применения стенографического труда отдел Посредбюро — значительным количеством образцов стенокопий, квалификационных работ, отчетов наиболее важных съездов, проведенных стенографами, телеграммами о вызове на работу в другие города, пропусками, блокнотами, памятками, любимыми карандашами стенографов, диаграммами бюджета распределения времени стенографа на работе и т. д., и т. п.

На четырех щитах было выставлено большое количество русской и иностранной стенолитературы. Один щит был специально занят иностранной стенолитературой, пре-

доставленной выставке Центральной Комиссией. За особым стеклом были выставлены наиболее ценные книги (Цейх и Торнау, Армянская стенография, ст-фия сист. Вельяшевой, Фаульманн и др.).

Комфортабельно обставленные мягкой мебелью и разукрашенные комнаты представляли посетителю возможность посидеть, прочитать кой-какую, хотя бы самую популярную, литературу о стенографии.

Обильное количество журналов и брошюр было разложено на нескольких столиках и на оригинальной конструкции ширме, рекомендованной для передвижного стенуголка тов. Темничка.

На общем фоне пестрели разноцветные лозунги и плакаты на русском и тюркском языках. Не мало интереса и оживления вносили стенографические стенгазеты и всевозможные фотографические снимки, вырезки из газет и журналов, образцы рекламирования и публикации стенкурсов, стенографическая переписка по почте, сведения и рисунки о стеномашинах и т. д. и т. д.

На территории выставки были устроены две лекции прив.-доц. Яблонко по истории письменности, которые привлекли много интересующихся.

В книгу впечатлений занесено много отзывов и пожеланий. Приводим наиболее характерные из них.

«Работа проделана большая. Выставка хорошо проработана. Она свободно может сыграть роль популяризатора среди широких масс членов союза».

13/XI Габелов К/О Совпрофа).

«Выставкой остался очень доволен. Не знаю, результат ли она подражания выставкам этого рода в центре, или результат личной инициативы местных стенографических сил, но она стоит далеко за пределами всякой похвалы, слишком много она дает и профессионалу, и любителю, и начинающему. Обилие материала, художественная отделка диаграмм и уголков ставят ее в категорию перворазрядных выставок в Москве, не говоря уже об, я бы сказал, комфортабельной обстановке помещений выставки. Мне думается, что случайно попавший на выставку профан в области стенографии уйдет отсюда с убеждением, что нужно стенографию «поучить». Пишущий эти строки, сам практик, извлек, однако, много пользы из своего случайного умения писать слов 90 в минуту, сократив запись лекций срок своего пребывания в ВУЗ-е Москвы, по меньшей мере, на год. Это-то и заставляет его, вполне искренне, восторгаться достижениями Баку, где он получил первое стенографическое воспитание».

Студент Московского Текстильного Института П. Гриппин.

«Баку выставку следовало бы продвинуть по всем рабочим клубам».

Несколько подписей. 14/XI.

«Не впечатление, а предложение. Необходимо, кроме переброски выставки в уезды АССР, создать курсы стенографии при уездисполкомах для обучения в первую очередь секретарей советов, особенно сельсоветов, ибо протоколы, поступающие из деревень, не дают абсолютно никакого материала для разбора того или иного вопроса».

Уездник. 18/XI.

«Остались очень довольны выставкой. Побольше бы таких выставок в рабочих районах».

Несколько подписей. 20/XI.

«После ознакомления с выставкой, поняв роль стенографии в гос. и сов. аппарате, могу лишь горячо приветствовать немногих, пока изучивших эту науку, и пожелать увеличения их батальона».

Одесско-Капцелярської
Праці та Стенографії
Відділ. 4.
Одеса, Островидова 82.

Интерес к выставке вообще — и со стороны союзной массы в особенности — значительно повысился.

Даже в Совпрофе начали говорить: «ого, стенографы зашевелились».

Так осуществилось неосуществимое.

Агитационная работа в деятельности комитетов стенографов в настоящее время должна занимать одно из первых мест.

Выставка стенографии, передвижной стеноуголок — наилучшие агитаторы пользы стенографии. Устройство выставки, правда, не так легко, но возможно. Нужно иметь только настойчивое желание и веру в осуществимость поставленной задачи.

Неустанный труд все побеждает.

Кто за нами, товарищи?

Баку.

А. Агаронян.

Кто прав.

Обычные заседания нашего МК — это «парламент» в миниатюре. Споры, разговоры, предложения... И в маленьком, и в большом — одинаковая горячность и одинаковое, в конце-концов, единодушие.

Впрочем, как угадать: большое ли, маленькое ли это. Никто не будет спорить о том, например, что вопрос об унитарной — большой и большой вопрос. Вездоказательно, аксиомно. Ну, а скажем, посылка товарища на постоянную работу, Скажут, пожалуй:

— Грош, де, цена, ему.

А дерзнем утверждать, что посылка на работу, да еще постоянную, да еще в провинции сейчас, в момент безработицы, — событие, ой-ой, большое.

Заседание МК. Как и всегда — присутствует почти весь коллектив, как и обычно — каждый жмется поближе у столу, образуя полукруг. «Дедушка» (Пред. МК) на месте, секретарь тоже.

Первый вопрос, второй, третий...

Сверх обыкновения — ни споров, ни пререканий.

Странно.

Впрочем нет, не странно пожалуй: повестка не вся, по повестке еще много придется говорить. Расчет прямой и понятный.

В чем же дело?

Дело в небольшом, затерявшемся где-то в «разном», вопросике: о посылке на постоянную работу товарища. Маленький, незаметный вопросик. Даже не относящийся непосредственно к МК.

Посредбюро в нерешительности: одно место — несколько кандидатов. Кандидаты

двух сортов: не имеющие работы совершенно и работающие в учреждениях не по специальности, в силу острой съездовой безработицы, на 25—30 рублях. По давности работы в коллективе и по своему стажу, последние стоят на первой очереди. Кого посылать?

Мнения сразу же резко разделяются на два лагеря.

— Мы не имеем никакого права лишать товарища возможности работать по своей специальности только потому, что нужда заставила его искать работы в другой отрасли. Вообразите, что товарищ между съездами работает прачкой. Тогда как? Сказать, что ты и впредь занимайся этим же.

На это — столь же увесистое возражение:

— А безработица? А задача МК всеми мерами бороться с ней? Снять с работы уже работающего и лишить заработка безработного? Неправильно это.

Споры, разговоры, предложения...

Небольшое большинство склоняется к тому, чтобы отдать предпочтение безработным.

Большинство, возможно, случайное.

Из-за видимой случайности — оппозиция превращается в кремь.

И впервые за все время маленький «парламент» влетает в свою историю небывалую вещь: особое мнение меньшинства, закрепленное протоколом.

Кто прав?

Давайте поговорим.

П. Кувыркин.

Ярославль.

О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

О приложении к нашему журналу.

(В порядке предложения.)

Не знаю, как в Центре, но у нас на местах (думаю, что это не только в Чите) ощущается острый недостаток в научной литературе, относящейся к стенографии. Нет книг с изложением элементарной теории стенографии, ее принципов, подхода к оценке систем и т. д., и т. д. Большинство молодых стенографов и учащихся, есть основание полагать, что и практики, имеют очень мало представления об этом; нечего уже говорить о том, что места совершенно лишены возможности ознакомиться с достижениями научной мысли наших западных коллег. Те же сведения, которые помещаются в нашем журнале, слишком кратки, а потому и не удовлетворяют.

Совершенно правильно, в этом отношении, замечание тов. Юрковского о том, что мы зачастую работаем впустую над открытием давно открытых Америк. Поэтому, было бы чрезвычайно своевременно и целесообразно, если бы наш журнал взял на себя обязанность давать в отдельных прило-

жениях к журналу те статьи, которые играли существенную роль прежде, да и теперь многие из них еще не утратили своей жизненности (Ольхин, Егоров и др.) и которые так или иначе способствовали развитию и продвижению стенографической мысли у нас в России, а также помещать отдельные переводы статей или труды иностранных теоретиков. У нас в библиотеке, вероятно, уже много накопилось такого материала.

Конечно, я мыслю выпуск этих приложений за отдельную плату. Мне кажется, что редакции нужно этот вопрос разрешить во что бы то ни стало, для чего, принимая во внимание стесненность в финансовом отношении нашего журнала, редакции следовало бы выяснить количество желающих.

Полагаю, что места откликнутся на это предложение и выскажут свое мнение.

Кудрявый.

Чита.

О приближении журнала к учащимся.

Несмотря на то, что журнал «Вопросы Стенографии» издается с 23 года, некоторые учащиеся даже не знают о его существовании, те же, которые знают, относятся индифферентно. До 1926 г. высокая цена журнала служила препятствием к его распространению, но затем и это обстоятельство было устранено, между тем, спрос повысился незначительно.

Очевидно, существуют другие причины. Первая — это его содержание. Ввиду того, что в работе журнала учащиеся почти не принимали участия, содержание его отражает, главным образом, интересы стенографов-практиков, педагогов и теоретиков, — голос же учащихся слышен слабо. Поэтому, прямой задачей учащихся является

принять деятельное участие в работе журнала, выделить своих стенкоров, освещать свою жизнь и тем самым сделать его более интересным и близким для себя. Вторым тормозом к его распространению служит недостаточная пропаганда Редакции за знакомство с журналом. Нужна постановка докладов о журнале, широкое ознакомление с его работой. При должном внимании со стороны редакции и учащихся эти причины будут устранены, и журнал станет достоянием самих широких групп учащихся.

Некоторый сдвиг в этом направлении уже сделан, а теперь дело за учащимися.

Уч. Американск. Курсов С. Файтельсон.

Первые итоги подписной кампании.

Иев. — Киевские стенографы, давнишние друзья журнала, на этот раз превзошли даже себя: вместо прошлогодних 72% коллектив дал 100% подписчиков. Дальше итти некуда! Bravo!

На Киевских Госкурсах дела тоже подвигаются: вместо 9 прошлогодних уже 15 подписчиков. Надеемся, что К-т Стенографов поможет ученическим организациям развернуть подписную кампанию.

Харьков. — См. корреспонденцию «Как мы проводили подписку» — пример, достойный подражания.

Ярославль. — К-т подписался на 100% и начал усиленную вербовку подписчиков на курсах, где в пр. г. не было ни одного подписчика, а сейчас уже 13. Молодцы, ярославцы!

Свердловск. — В объединении количество подписчиков удвоилось по сравнению с пр. г., но, — увы! — на курсах, где в пр. г. было 8 подписчиков, сейчас ни одного. Тов. Трофимчук — председатель К-та и заведующий курсами — дело за Вами!

Нурск. — Число подписчиков увеличивается, К-т подтягивается, но зато на курсах покойного Шиндлера, бывшего неизменным преданным другом журнала, вместо 50 прошлогодних подписчиков всего... 7. К-т и преподаватели курсов, где Вы?

Тула. — Благодаря энергии уполномоченного стенографов, т. Паглиной, не только объединение подписалось на 78%, но и на курсах мы имеем небывалую для Тулы цифру — 34 подписчика.

Астрахань. — Объединение отстало, но на руководимых т. Щегловой курсах ею проведена подписка среди 80% слушателей!

Тверь. — Та же картина — в объединении мертво, но на курсах 15 подписчиков вместо 5 прошлогодних.

Рязань, Казань, Полтава, Симферополь. — Число подписчиков медленно, но верно растет.

Москва. — В Комитете число подписчиков снизилось: вместо 208 подписалось только 150 человек. Комментарии излишни!

Иначе дело обстоит на курсах, где кампанию проводят сами учащиеся в редких случаях педагоги: вместо 35 прошлогодних 145 подписчиков. Конечно, этого мало для Москвы, но важно начало. Жаль только, что, по видимому, ни один из московских курсов не будут премированы, так как не дают установленных конкурсом цифр.

Ленинград. — Предпочитает брать пример с Москвы, а не с Харькова, в пр. г. был на одном из последних мест, имея 31 подписчика, в этом году раскатался только на 27 (!).

Не лучше и на курсах: всего 40 подписчиков, из коих большинство завербовано энергией преподавателей, т. т. Даумана и Снисаренко.

Ростов н/Д. — По всем признакам К-т заболел сонной болезнью: вместо 13 подписчиков пр. г. сейчас в объединении... 1 (вероятно, сам К-т), вместо 32, на курсах — 0!!

Ташкент. — Та же болезнь: вместо 12 в коллективе 3, на курсах вместо 17 — 0. Причины болезни этих двух крупных городов выясняются и принимаются энергичные меры к ее излечению.

Тифлис. — Здесь положение более серьезное и почти угрожающее, так как упомянутая болезнь приняла хронический характер: длится второй год.

Как мы проводили подписку на „В. С.“

Еще задолго до получения из Москвы условий подписки на журнал на 1927 г. Харьковский Комитет начал агиткампанию за журнал. Немудрено поэтому, что сейчас же по открытии официальной подписки (в конце декабря месяца) мы имели 40 подписчиков, число которых впоследствии все более и более росло.

Для усиления подписной кампании мы пускали в ход все: плакаты, агитматериалы журнала, агитационные обращения во время общих собраний и заседаний К-та, напоминания о приеме подписки в повестках об общих собраниях и т. д. Пусть не удивится историк, который будет изучать стенодвижение, найдя в архиве Кассы Взаимопомощи при Харьковском К-те Стенографов заявления о выдаче ссуд такого рода: «позіка мені потрібна на передплату журналу «Вопросы Стенографии». Это Касса Взаимопомощи, откликнувшись на предложение К-та, широко кредитовала тех товарищей, которые хотели подписаться, но не имели денег.

Не забыл К-т и курсы. С помощью своего представителя на Госкурсах стенографии, преподавателей и ученических организаций провел и там подписную кампанию.

А вот и результаты этой работы: на 10 с. м. из 104 человек коллектива (из них 6 — безработных) подписались на журнал 72 (6 на год и 66 на полгода). Среди учащихся — 56 подписчиков. В некоторых группах на журнал подписалось более половины слушателей. В частности следует отметить 18-ю группу Госкурсов, в которой, благодаря активному содействию преподавателя, т. Очаковского, из 28 слушателей подписалось 15. Всего Харьковский К-т завербовал, таким образом, 132 подписчиков.

Но усиление подписки есть только часть задачи по укреплению журнала. Чтобы привлечь стенографов к активному сотрудничеству в «В. С.», у нас по инициативе редколлегии, издаваемой Харьковским К-том газеты «Крылатое Перо», создан кружок «Друзей журнала «В. С.» Основная работа кружка: привлечение товарищей к освещению на страницах журнала злободневных вопросов нашего труда и быта и коллективное обсуждение открываемых журналом дискуссий. В частности, на первом собрании кружка было проведено обсуждение статьи т. Казанского «Пора изменить» в ж. № 2.

Харьков.

Эйхенвальд.

— ПО КУРСАМ И КРУЖКАМ —

Москва.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ УЧАЩИХСЯ Б. АМЕРИКАНСКИХ КУРСОВ.

6-го февраля с. г., по инициативе Учебно-Методической Комиссии Исполбюро б. Американских курсов была созвана и состоялась первая конференция учащихся стенографов.

В первый раз за все время учебы Московских курсов стенографии собрались учащиеся совместно с преподавателями для разрешения целого ряда вопросов — методики преподавания стенографии, возможностей практического использования стенографии по прохождении курса, необходимости дополнительных знаний (секретарства и делопроизводства), а также поднятия общего культурного уровня стенографов.

Первая конференция учащихся, как первая попытка самих учащихся сознательно подойти к выявлению всех вопросов, с которыми они непосредственно сталкиваются по «выходе в жизнь», по окончании курсов, — при начале своей самостоятельной работы, показала, с одной стороны, рост активности среди учащейся стеномолодежи, а с другой стороны, позволила выявить целый ряд отдельных моментов.

По заслушанию докладов по методике преподавания трех педагогов (Юрковского — сист. Габельбергера, Лихаревой — сист. Терне и Садыковой — сист. Сапожко) и установлению общности основных принципов методики в преподавании данных педагогов, конференция остановила свое внимание на целом ряде чисто практических вопросов: Как поднять общий уровень знаний стенографа? Как избежать загрузки биржи «чистыми» стенографами в то время, как имеется спрос только на квалифицированных стенографисток-машинисток и делопроизводителей? Ответ напрашивается сам собою — нужно в первую очередь, в ударном порядке, разрешить вопрос о проведении в жизнь на курсах учебного плана в части преподавания дополнительных дисциплин: русского языка, секретарства, делопроизводства и машинописи. Но здесь приходится столкнуться с крайне скудным бюджетом курсов, не позволяющим осуществить разрешение данного вопроса. В этом отношении надо надеяться на то, что Москпрофобр, как руководящая организация, пойдет навстречу местной администрации и учащимся курсов в разрешении этого вопроса и сумеет создать такие условия, при которых бюджет курсов позволит пригласить целый ряд необходимых, действительно знающих педагогов по секретарству, делопроизводству и т. п. для проведения в жизнь хотя бы части учебного плана. Это, в свою очередь, позволит выпускать с курсов стенографов-делопроизводителей, секретарей, машинистов, готовыми удовлетворить всем требованиям, предъявляемым в настоящее время к стенографу учреждениями, проводящими у себя режим экономии.

Б. С.

Киев.

Наши Киевские Госкурсы стенографии, качественно, значительно окрепли. Объясняется это тем, что значительно поднялся авторитет курсов среди трудящихся гор. Киева и округа. Сейчас на наши курсы поступают изучать стенографию (не в пример прошлому времени) в серьез и доводят учебу до конца. Частные курсы Красильникова полностью слились с нашими курсами и, таким образом, последние являются единственными в городе. Состав преподавателей пополнился тов. Красильниковым. При курсах открыты два параллельных отдела, бухгалтерии и машинописи. Работа на них ведется под руководством опытных преподавателей.

Наш стенографический отдел насчитывает 8 групп с 160 слушателями. В среднем на каждую группу приходится по 20 слушателей. Отсутствие хорошего помещения мешает дальнейшему развертыванию курсов. Очередные выпуски в 26-м году дали стенографов, пишущих по 90 слов (35 человек) и 75 слов (4-х человек). Из общего числа занимающихся сейчас оканчивают курсы 75%, т. е. за все время существования курсов впервые стабилизируется состав слушателей. Общественная работа на курсах ведется новой ученической организацией — Курскомом. Кроме Курскома, избираемого на общем собрании, имеется 11 старост, выбранных по группам, которые ведут общественную работу под руководством Курскома. Вся общественная работа наших курсов ведется в контакте с Педсоветом. По мере возможности Педсовет оказывает материальную поддержку нашей работе. Большая пропаганда стенографии ведется среди учащихся. Есть случаи перехода слушателей из других отделов курсов на отдел стенографии. Весной 1926-го года Курскомом проведена кампания выборов в Горсовет — от 212 избирателей был выбран 1 депутат. Сейчас мы вторично проводим эту кампанию, имея налицо уже 320 избирателей. Курском становится все более и более авторитетным у массы слушателей. Мы реорганизовали нашу стенгазету «Життя курсів». Газета сейчас приблизилась к массе. Много места в ней уделяется общественной жизни. Стенжуров насчитывается 16 человек, редколлегия состоит из 3 человек.

Сейчас у нас на курсах имеются и работают только три кружка: научно-стенографический, научно-бухгалтерский и драматический. Научно-стенографический кружок работает под руководством лектора т. Короленко, посещается почти всеми слушателями стенографами. Недавно в кружке были проведены доклады о системах Шгольца и друг. По докладам были оживленные прения. Сейчас кружок работает над сокращением стенослов. Наш драмкружок дал несколько постановок. Впервые за время существования курсов был проведен литсуд.

над «Розой Милевич» по произведению Толстого. Имеется у нас и библиотека, но... она не пополняется новыми книгами.

Комитет стенографов не интересуется совершенно нашей общественной жизнью. Представители к-та являюся только на заседания Педсовета, да и то не всегда. Между тем Курскому желательно было бы иметь связь с Комитетом.

Одним из больших вопросов на наших курсах попрежнему является вопрос о практиканстве. Киевский Отдел Труда не разрешает бесплатное практиканство. А платные места только для вузовцев, да и их «капли в море». Наши слушатели поставлены в затруднительное положение. Говорят, вопрос о бесплатном практиканстве разрешается в Москве. Но мы долго ждем и результатов не видим. Все это нервирует нашу массу слушателей.

Председатель Курскома **И. Фельдфикс.**

Москва.

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ.

В этом году Высшие Государственные Курсы стенографии впервые выбирали своих депутатов в Советы. Естественно, что все наши общественные организации — ячейка ВКП и Комсомола, Профком — зашевелились и начали кампанию даже... раньше срока—Москву опередили. Устраивали собрания на которых долго и серьезно обсуждали кандидатуры, поместили в стенгазете биографии и подробные характеристики всех выдвинутых товарищей, для того, чтобы не было «навязываний» кандидатур. В результате, слушатели ВГКС твердо знали, кого они выбирают, кому поручают выполнение своего наказа.

Выбраны были женщины-учащиеся, по этому принципу не были принесены в жертву интересы коллектива: избранные члены Совета по стажу и опыту общественной работы не отставали от выдвигавшихся мужских кандидатур.

К сожалению, на выборы пришло всего около 70% слушателей, но все присутствующие активно обсуждали наказ, внеся в него существенные дополнения: об улучшении быта студенчества и, — о самом больном и злободневном в нашей стенизации, — о внедрении стенографии в совпарат. Нашим представителям в Совете поручено работать в секции РКМ и сдвинуть там это дело с мертвой точки, добиваясь того, чтобы

стенография не плодила новые кадры безработных, а была одним из рычагов режима экономии.

А. П.

Самара.

НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО.

При СТЗ имени Масленникова № 15 в прокатном цехе, в красном уголке, мною создан кружок по изучению стенографии, работающий под моим руководством. Цель этого кружка — внедрение в рабочие массы необходимой для всех науки-искусства, о которой до сих пор рабочие не имели никакого понятия. Я считаю большим достижением уже одно то, что масса рабочих будет отдавать себе отчет в том, что такое стенография и для чего она нужна. Пусть некоторые изучат только одну теорию и не будут практиками, пусть даже некоторым из них, как, например: слесарям и пекарям стенография совсем не нужна. Но они будут своим детям советовать изучать это письмо, что явится хорошей пропагандой для стенографии. Многим же в кружке это знание будет необходимо, например: рабочим, секретарям, деловодам, машинисткам, конторщикам и активным работникам, среди них есть хорошо грамотные и политически развитые люди. Отрадно видеть, что уже со второго урока рабочие получают ясное представление о доступности для них стенизма и его необходимости в жизни.

Преподавание в кружке ведется по слуховой сист. Терне, которая легко усваивается учениками.

Сначала я ознакомил своих учеников с корневыми системами Габельсбергера, Штольце, Животовского, а также и с сист. Соколова (все вышеупомянутые системы я хорошо знаю теоретически), и предложил им для преподавания одну из этих систем на выбор. Они остановились на системе Терне, так как она показалась им проще и понятнее, корневой же способ вышеупомянутых систем был определенно отвергнут после данных мною практических примеров.

Призываю тт. стенографов применить такой же способ внедрения стенографии в массы, путем организации кружков стенографии в красных уголках при заводах и фабриках. Призываю их дать свое знание безвозмездно, чутко прислушиваясь к любознательности рабочих в этой области. Это будет яркой, живой пропагандой стенизма в массах, способствующей движению стенографии вперед.

В. Волков.

Не забыл ли ты подписаться на журнал на вторую четверть года?

Еще один международный конгресс.

Как сообщает «Revue Sténographique Belge», 4—8 августа с. г. в Брюсселе состоится XIII Интернациональный Стенографический Конгресс (сторонников Бюиссоповского течения)¹⁾. Конгрессу стараются придать очень торжественный характер. Во время конгресса будет отпраздновано 25-летие со дня основания Стенографического Института Бельгии (l'Institut Sténographique de Belgique). Организационная комиссия уже заручилась «высоким покровительством» конгрессу со стороны бельгийского короля и почетными председателями, в лице председателя бельгийского сената и председателя палаты депутатов Бельгии. Кроме того, на конгресс приедет специально французский министр пенсий. Ожидается прибытие председателя большой стенографической ассоциации Соединенных Штатов и Канады в сопровождении нескольких американских стенографов.

На время конгресса предполагается открытие Интернациональной Выставки Стенографии и Машинописи. За лучшие экспонаты будут выданы золотые, серебряные и бронзовые медали.

Подготовка к конгрессу ведется организованным и усиленным темпом. Для лучшей агитации за конгресс орган бельгийских стенографов «Revue Sténographique Belge» с 1-го января с. г. является одновременно и органом Интернационального Комитета, под редакцией Ж. Бюиссона, председателя Комитета.

Все журналы и газеты по эсперанто ведут активную пропаганду Конгресса. На днях

выйдет из печати специальная марка, пропагандирующая Конгресс. Марка будет послана бесплатно всем стенографам, которые обратятся с соответствующей просьбой в Оргкомиссию Конгресса. Уже в настоящее время почтовое ведомство ставит на конверте специальный штемпель, посвященный Конгрессу (редакцией нашего журнала получено письмо с таким штемпелем).

Бельгийская Радиостанция незадолго до Конгресса пригласит по радио стенографов всего мира принять участие в большой манифестации международного искусства скорописи.

«Revue Sténographique Belge» предлагает премию в 1.000 франков автору, который представит на конгресс доклад, содержащий в себе практическое предложение, могущее быть осуществлено в кратчайший срок. Эта интересная премия будет названа в честь Председателя Международного К-га премией Georges Buisson.

Несмотря на то, что в прошлом Бюиссоповское течение отличалось наибольшей реакционностью (как мы неоднократно писали, оно не допускало сотрудничества со странами, не входившими в Лигу Наций), к чести его надо отметить, что в настоящее время оно, как будто бы, серьезно стремится привлечь к работам конгресса на почве научного единения стенографов всех стран. Даже стенографы СССР получили впервые после Октябрьского переворота официальное приглашение оргкомиссии на конгресс. (по адресу редакции нашего журнала). Как мы ответим на это приглашение — сообщим в следующих №№ журнала.

¹⁾ См. №№ 2/14 (стр. 32), 3/15 (стр. 27) и 11/23 (стр. 30) за прошл. год.

Унитарная система в Венгрии.

Следующей страной после Германии и Австрии, имеющих счастье ввести у себя единую унитарную систему, оказалась Венгрия. По распоряжению министра народного просвещения графа Клебельсберга унитарной объявлена была одна из молодых венгерских систем — система доктора Бала Раднай. Этот государственной важности акт введения унитарной произошел в Венгрии несколько иным путем, чем в Германии. В Германии унитарной объявлена компромиссная система, составленная на основе двух наиболее распространенных систем — Габельсбергера (алфавит) и Штольце-Шрей (вокализация). В Венгрии же унитарной оказалась одна из существующих систем.

Интересно отметить, что представители остальных систем добровольно отказались от своей системы, ввиду высокого культурного значения, какое будет иметь для страны унитарная. В результате предварительных переговоров, которые длились всего несколько месяцев и к которым были допущены представители всех пяти венгерских систем, выяснилась объединяющая точка зрения, на которой сошлись представители всех систем и руководивший работой правительственный комиссар по стенографическим делам доктор Эрнст Трегер. Этой точкой зрения была идея выдвижения в качестве унитарной системы одной из существующих — теоретически наиболее простой и дающей наилучшие практические результаты,

которая, будучи объявлена национальной венгерской системой, перестанет нести имя ее автора. Такой системой оказалась система Radnai построенная на основах системы Габельсбергера (Раднай — ученик Э. Фабро, переработавший систему Габельсбергер-Маркович). При введении унитарной системы был издан министром народного просвещения следующий указ:

«В целях единообразия в преподавании стенографии и повышения ее практических результатов выяснилась необходимость вместо пяти до сих пор допущенных к преподаванию систем провести в жизнь единственную и единую венгерскую систему. Из этих соображений вожу я единой венгерской системой заключенную в «Основном документе» систему, которую предложил правительственный комиссар в согласии с представителями допущенных систем и направлением Эрико Фабро. С введением единой венгерской системы должна во всех школах, где преподается стенография, быть преподаваемой только единая венгерская система. Ведущее же ныне преподавание по другим допущенным системам может продолжаться и быть закончено, однако, я считаю желательным, чтобы по крайней мере в низших классах учащиеся изучали единую венгерскую стенографию».

На основании иностранных источников (Der Deutsche Stenograph, Deutsche Stenographen — Zeitung и др.). А. Ю.

Германия.

(По журналам).

1.

В настоящее время в Германии с помощью унитарной системы достигнута большая скорость письма: инженер К. Левассеир писал со скоростью в 320 слогов, Кеппель — с такой же быстротой и 20-летний Гельмут Штиф — 360 слогов в минуту. В числе рекорсменов на низшие скорости много молодежи от 10 до 18 лет.

2.

В Германии произошло слияние 2-х больших стенографических Союзов, представляющих унитарную: «Der Deutsche Stenographenbund» и «Reichsbund für Einheitskurzschrift».

3.

При «Немецком Стенографическом Союзе» образован «Комитет по иностранным переработкам», имеющий целью составление до-

кументов систем на основе унитарной для ее иностранных переработок с целью предоставления возможности немецким стенографам пользоваться унитарной при стенографировании на других языках,

4.

Стенография введена как обязательный предмет в высших учебных заведениях Саксонии.

5.

28 февраля 1926 года Западно-Немецкое Акционерное Общество Радио начало передавать через 3 немецкие радио-станции курс лекций по унитарной. Побудительной причиной этому послужили многочисленные отклики на радио-лекцию железнодорожного инспектора Канольда «история немецкой унитарной». Лекции курса по унитарной передавались по воскресеньям (в сво-

бодный от работы день, чтобы все служащие могли принять участие), длились каждая 40 минут. Курс длился 16 уроков. Очень интересно как лекции проводились методически. Все слушающие курс должны были обзавестись учебником Winkler 3. прописными тетрадами, в которых все знаки курса были напечатаны бледно для обведения чернилами, ключом к учебнику и 2 обыкновенными линованными тетрадами. Прописные тетради были специально приспособлены к учебнику, а по радио учащийся получал точнейшие теоретические указания о знаках и способах их соединения, а также разъяснения в затруднительных местах. Затем по радио медленно прочитывались слова, «образцово выписанные в прописных тетрадах», при чем радио-слушатели обводили сухим пером эти слова, получая нужные указания о способах их выписывания. Во время лекции учащиеся получали задание к следующей лекции выполнить упражнения, приведенные в прописных тетрадах: 1) расшифровать обычным письмом приведенные примеры, 2) писать их многократно стенографически. Справки по теории учащийся находил в учебнике, а по правильности расшифровки и начертания заданий — в ключе. 500 радио-слушателей выписало все нужные пособия, а число принявших участие в этом заочном радио-преподавании стенографии насчитывается тысячами.

«D. S. Z».

6.

Впервые стенографическое письмо было применено для почтового штемпеля в городе Ауге (Erzgebiet), Германия, где почтовое ведомство пошло навстречу желанию 66-го съезда Саксонского Объединения (Landesverband) «Габельсбергер» и распорядилось об изготовлении следующего почтового штемпеля со стенографической надписью по унитарной: «66 Stenographentagung des Sächsischen Landesverbandes Gabelsberger» (выписано полностью):

Этот факт лишним раз показывает, каким вниманием пользуется стенография в Германии.

«D. S. Z».

7.

Доктор Ф. Шаргородская (Берлин) приспособила систему Питмана к древне-еврейскому языку и выпустила учебник по своей системе.

8.

Инженер Мец из города Бонн изобрел диктовальную машину, сущность которой

состоит в том, что посредством часового механизма регулярно и точно в известные промежутки времени диктующему постепенно открывается текст, долженствующий быть продиктованным.

«Д. К».

9.

В ночь на 3 апреля 1926 года происходила первая передача изображений по радио по способу немецкого физика Каролуса. Пункт отправления находился в помещении лаборатории Радио-Общества в Берлине. Передачу вела станция Конигсвурстенгаузен мощностью в 20 киловатт. Приемный пункт находился в помещении «Radio-Austria» в Вене. Передача удалась отлично. Этот факт имеет чрезвычайно важное значение, так как открывает перспективы использования стенографии (чрезвычайно выгодной сравнительно с обычным письмом в отношении экономии места) в деле связи.

10.

Антипов, он же Georg von Daake (Берлин), по поручению ныне покойного Макса Беклера приспособил систему Штольце-Шрей к русскому языку, основываясь на своих прежних работах по переработке этой системы к нашему языку. У нас имеется учебник по этой переработке, выпущенный в свет издательством Фердинанд Шрей. В юбилейном издании по поводу 25-летия Reytscher Stenographenverein Штольце-Шрей имеется статья того же автора «Как возникла моя система», в которой рассказывается история упомянутой переработки. В ее основу положены исследования частоты встречаемости в русском языке приставок, окончаний, гласных и т. п. Эти исследования привели автора к мысли о том, что удерживать одинаковое обозначение звуков в русской переработке, как и в немецком оригинале не удастся и что только при сильном уклонении от оригинала возможно построение удовлетворительной русской системы. Зимой 1921/22 года в Берлине был открыт курс по этой переработке. Изучающими были больше эмигранты, затем живущие в Берлине немецкие русские (иначе не перевести приводимое автором выражение Deutsch-Russen) и сотрудники русских учреждений в Берлине. Курсы существовали 2 года, дав в среднем скорость 140—150 слогов. После изучения речениси была достигнута скорость 180, 200, 240 слогов и, наконец, в Ганновере на конкурсе была одним из учеников Дааке проявлена скорость в 300 слогов (почти 110 слов в минуту).

11.

1 июня 1927 года в Дрездене откроется большая выставка «Бумага, ее добыча и обработка» со стенографическим отделом, который подготовляет «Deutscher Stenographenbund».

А. Ю.

БИБЛИОГРАФИЯ

И. А. Ицексон. «Курс стенографии по системе Габельсбергера для самостоятельного изучения». Пермь. 1926 г. Цена 2 р.

В предлагаемом И. А. Ицексоном курсе для самообучения система Габельсбергера изложена с большими недочетами, которых нет в других современных переработках. — Обилие отрывов, тупых углов и неграфичных соединений, введенных И. А. Ицексоном, не может дать не только быстрой записи, но даже при скорости до 60 слов многие фигуры невозможно выписать без деформации. Нет строгого деления материала по сокращению приставок, окончаний, корней слов, наречий, а все это соединено в один отдел под названием: «гласные сочетания», что не дает возможности ясно усвоить построение слов и сокращений. Отделы условных сокращений и фразеогрмм мало разработаны. Наконец, в курсе предназначенном для самообучения, совершенно отсутствует отдел образцовых текстов для практических упражнений, и, таким образом, для обучающегося остается совершенно неясным, как приложить даваемые И. А. Ицексоном многочисленные правила на практике. В курсе имеется, как образец связного письма, только одна стенограмма коротенького коммерческого письма, а другое коммерческое письмо и две басни Крылова предлагается самостоятельно застенографировать самим обучающимся. И это все. Такой метод самообучения без достаточного количества руководящих образцовых текстов разнообразного содержания нам совершенно непонятен. Стенограммы и учебный текст напечатаны отдельно друг от друга, что также затрудняет самообучение.

Таким образом нового и ценного, как в смысле совершенствования системы Габельсбергера, так и в смысле метода изложения, курс И. А. Ицексона ничего не дает.

Со стороны внешности книга оставляет желать много лучшего, несмотря на высокую цену.

ГЕРМАНИЯ.

Немецкий парламентский стенограф и автор системы «Reform-Stenographie»

*) Посистемное объединение Габельсбергерянцев при Моск. Науч.-Стен. О-ве

(1921 г.) И. Дамс (Johann Dahms), любезно приславший нам в дар несколько книжек и брошюр по вопросам стенографии, просит дать отзыв в нашем журнале о его системе, дающей, по определению самого автора, непревзойденную краткость начертаний («an Kürze unerreicht»).

Являясь одним из новых достижений в области стенографии, система эта, в виду оригинальности ее построения и четко проработанной теории, заслуживает полного внимания.

Знаки согласных основного алфавита, простые и удобосоединимые, составлены с таким расчетом, чтобы каждый из них мог, по известной схеме, применяться в трех размерах (одномерным, двумерным и трехмерным) — в зависимости от следующей за ним гласной. Рядом стоящие согласные соединяются между собою непосредственно и пишутся одномерными. Гласные же, кроме размера согласных, выражаются еще нажимом, а также узким и широким соединением. Эти три комбинированные способа дают возможность (по крайней мере — в теории) правильно и точно обозначить любую из 12 немецких гласных в середине слов. Гласные, образующие самостоятельный слог, а также начальные, выражаются особыми знаками. Особые знаки имеются также для некоторых наиболее частых сочетаний согласных (их в немецком языке очень много, напр: nd, ng, nk, chs, pf, mrf, sr и др.). Следующая за согласной буква *r* выражается пересечением этой согласной прямой черточкой, следующее *l* — черточкой полукруглой (путем отрыва). Ряд упрощенных конечных знаков. В приставках и суффиксах знаки пишутся полумерными. Отрыв широко применяется в сложных словах, так, слово Kaufmann пишется с двумя отрывами, слово wegzunehmen — тоже (weg zu nehmen).

В общем, по сравнению со старыми системами, данная система представляет несомненный прогресс. Кроме краткости начертаний, достигается и полная четкость их, но обилие знаков, сложная символизация и множество отрывов делают систему далеко не общедоступной и не удовлетворяют требованиям, выдвинутым современной исследовательской работой в области стенографии.

А. Будкевич.

Курсів Київського Національного Університету імені Шевченка
Праці Київського Національного Університету імені Шевченка
Видання
Одеса, Острозького

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

О самоучителях Писаревского, Гольдина и др.

(Ответ гг. Епифанцеву, Маликову, Павскому и Ничкину).

Рецензии об учебниках Писаревского и Гольдина даны Редакцией еще в № 2/8 за 1925 г. и 3/15—1926 г.) о том же говорилось в статье т. Протасова о заочном обучении стенографии (см. № 1/13 за 1926 г.). Учебники эти изданы до того, как Стенкомиссия при ЦК ССРС удалось договориться с Гус'ом о том, чтобы ею давались заключения о всех выпускаемых учебниках по стенографии. Принимать от нас «официальные примечания и рекламу», даваемой Писаревским и Гольдиным на страницах газет как советует т. В. Епифанцев, конечно, ни одна редакция газет не будет. С трудом иногда удается снять какое-нибудь особо недобросовестное и заманивающее объявление, но это — дело чрезвычайно сложное, так как газеты связаны неустойками, да и просто материальными выгодами от объявлений. Борьба же с обыкновенными объявлениями о том, что имеется в продаже такой-то учебник, совсем нельзя, т. к. каждый имеет законное право объявлять о книге, допущенной к изданию. Остается лишь борьба путем посылки рецензии и писем в редакции газет отрицательного характера, — но и это паллиатив, ибо рецензию и письмо поместят один-два раза в год, а объявление об этой же негодной книге будет фигурировать ежедневно. Единственный выход — выпуск на рынок хороших учебников (смотри передовую статью в этом №).

На своих страницах «В. С.» помещают лишь объявления о тех учебниках, которые были просмотрены и допущены к изданию Моск. Научно-Стеногр. О-вом или Стенкомиссией, следовательно, являются учеб-

никами, во 1-х, по проверенным на курсах системам, во 2-х, методически хорошо составленными. Это вовсе не означает, что по этим учебникам можно скоро, легко и наверняка изучить стенографию (а тем более достичь высшей скорости, вообще редко достижимой при самообучении). Для этого требуется, помимо учебника, целый ряд условий, к чему мы вернемся в следующем № журнала.

Рецензии об учебниках, объявления о которых помещались у нас (Н. Соколова, Н. Крулева и В. Тицнер), не даны лишь потому, что до сих пор от МНСО и Сист. Объединения Габельсбергерманцев, от которых мы запросили эти рецензии для придания им большей авторитетности, они к нам не поступили. Рассчитываем получить их к апрельскому №. Пока для сведения сообщаем, что словарь сокращений и фразеограмм Н. Крулева и В. Тицнер является пособием для лиц, уже изучивших теорию по системе Габельсбергера.

Несмотря на имеющиеся недостатки в учебнике Писаревского, решительно не советуем тем, кто по нему занимается, переходить на другой учебник, тем более по другой системе, так как такое переучивание ничего, кроме вреда, не даст. При определенной настойчивости и регулярности занятий (конечно, метод прохождения 7 лекций за год и т. п. выгода не годится) изучите стенографию и по этому учебнику, тем более что главные возражения направлены против рекламных, не отвечающих действительности, мест учебника, а не методики.

Билетовскому — Зиновьевск. Просим сообщить, какого преподавателя, за 6 лет не давшего ни одного стенографа, Вы имели в виду в своей заметке «Теоретика стенографии», помещенной в пр. №. Нам интересны имеющиеся по этому вопросу факты.

Явчуновскому — Нонотоп. Предлагаемая Вами одна из мер против безработицы — применение стентруда для приема передач по радио — выдвигалась уже Стенкомиссией летом пр. г. перед Агентством ТАСС. Проведение этого мероприятия тормозится тем, что радиоустановки ТАСС'а имеются в 47 городах, из которых в 22 имеются стенографы. Также обстоит дело и с городами, где предполагаются новые радиоустановки. Между тем, ускорение темпа радиопередачи возможно только в том случае, если у всех аппаратов редакций, принимающих сообщения ТАСС'а будут работать стенографы. Правда, можно пока ставить вопрос о постепенном пополнении штата редакций стенографистками-машинистками с тем, чтобы в ближайшем будущем при помощи перебросок стенографов и роста новых кадров перейти полностью на стенографическую запись радио-

сообщений. Но этому мешает также и мало сочувственное отношение ТАСС'а и редакций газет к этой идее, вызываемое, главным образом, недостаточным пониманием экономии, которую они при этом получают. Так или иначе, вопрос этот будет вновь поставлен Стенкомиссией ЦК перед ТАСС'ом в ближайшее время. Хорошо если бы стенографы на местах сами убедили в необходимости этого редакции газет.

Тов. X. — Киев. Осветить жизнь учащихся и курсов редакция может, лишь получая соответствующие материалы. Для вовлечения учащихся в работу журнала советуем организовать кружок стенографов. Все, что получаем от учащихся, — помещаем охотно. Заметки и статьи оплачиваем из расчета 5 рублей страница. У нас числится лишь 15 подписчиков с Ваших курсов, а не 30.

Очаковскому — Харьков. Сердечное спасибо за энергичную помощь в проведении подписной кампании. Вы лишний раз доказали, что, главным образом, от преподавателя зависит распространение журнала. Ваша группа будет премирована.

Ответственный редактор Р. Вексман.

Издатель ЦК ССРС.

Главлит № 82235

Тираж 2 000

«Мосполиграф», типо-цирк. «Мысль Печатника», Петровка, 17.

О П Е Ч А Т К А.

Вследствие недосмотра отв. сводчика типографии, при спуске в машину в статье «Легче на повороте», страница 27-ая, были обсыпаны у 9 строк начальные буквы.

В виду того, что неправильно поставленные буквы искажают смысл начала статьи, приводим здесь первые 12 строк полностью:

В статье «Пора изменить» («В. С.» № 2—26) тов. Казанский затронул проблему, которая чрезвычайно интересует не только наш широкий стенографический актив, но занимает с некоторого времени умы многих работников нашего союза. В частности, в органе Центрального Правления нашего союза на Украине «Службовец» была помещена статья местного харьковского профработника, в которой автор весьма резко ставил вопрос о целесообразности дальнейшего существования комитетов стенографов.

Цена 45 коп.

5-ый год издания

В 1927 году журнал

5-ый год издания

„ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“

даст годовым подписчикам (хотя бы вносящим плату в два срока — 15 января и 1 июля)

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

„Сборник положений о стентруде и стенообразовании“
издание ЦК ССТС.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На год (12 номеров) 4 руб., для учащихся (по удостовер. с курсов) и безработных по удост. к-тов 3 руб. На полгода 2 руб., для учащихся и безработных 1 руб. 50 коп. На $\frac{1}{4}$ года 1 руб. 20 коп., для учащихся и безработных 80 коп.

В розничной продаже цена номера — 45 коп. (для учащихся и безработных 30 коп.)

Пробный номер — 30 коп. Номера за 24-й и 25-й гг. — 20 коп., за 26-й — 25 коп.

ЦЕНА ОБЪЯВЛЕНИЙ: на последней стороне обложки $\frac{1}{8}$ стр. — 20 руб.
» 2-й » » $\frac{1}{8}$ » — 25 »

АДРЕС ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ: Москва, Солянка, 12, Дворец
Труда, Ц. К. Совторгслужащих,
3-й этаж, „ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ“

АДРЕС КОНТОРЫ ДЛЯ ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНИЙ:
Москва, Тверская, 15.

ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, Центрослужащий, Стенографы.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО

При всех запросах прилагайте 8-коп. марку.

ПРИЕМ ПО ДЕЛАМ РЕДАКЦИИ: ежедн. от 10 ч. до 12 ч.

НАШ ДЕВИЗ: Каждый стенограф — подписч. своего журнала.
Каждый читат. — сотрудник и корресп. журнала.

СПЕШИТЕ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ПОДПИСАТЬСЯ.